

Институт российской истории
Российской академии наук

**ВКЛАД УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ
В СОХРАНЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ**

На материалах Комиссии
по истории Великой Отечественной войны АН СССР,
1941—1945 гг.

Центр гуманитарных инициатив
Москва—Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-31-12065

Отв. редактор С.В. Журавлев

Авторы текста и комментариев:

А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов,
Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов

В56 Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 383, [1] с.

ISBN 978-5-98712-530-4

Данная книга — первое в историографии исследование о вкладе ученых-историков и других гуманитариев в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем не в мирное время, а непосредственно в ходе войны и по горячим следам боевых действий. В центре внимания — история создания, основные направления и результаты деятельности, руководимой известным историком И.И. Минцем Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1941—1945 гг. Собранные ее сотрудниками документы, включая уникальный комплекс стенограмм бесед и интервью военных лет, долгое время оставались не востребованными. Одна из главных задач книги — дать представление об информационном богатстве этих источников и продемонстрировать их возможности для выяснения спорных моментов и развенчания современных мифов о войне.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-98712-530-4

© Коллектив авторов, 2015
© Институт российской истории РАН, 2015
© Центр гуманитарных инициатив, 2015

Института истории СССР, писал С.О. Шмидту, возглавлявшему институтскую комиссию по обследованию рукописного фонда: «По сути дела это записи боевых подвигов, составленные на второй день после их свершения, когда под руками были военные карты и другие данные, когда можно было пригласить на беседу начальника штаба соединения и проверить эти данные»¹²¹.

О том, какое исключительное значение Минц придавал архиву Комиссии и собранным в нем материалам, свидетельствует и тот факт, что летом 1942 г. он просил руководство Главархива СССР прикомандировать для работы в Комиссии известного специалиста в области архивного дела В.В. Максакова «для организации всего дела хранения и использования материалов, поступивших в распоряжение Комиссии»¹²².

Деятельность Комиссии по фиксации событий военных лет

Конец декабря 1941 — июль 1942 г. — это начальный период в работе Комиссии, во время которого были обозначены основные направления ее будущей работы: летопись/хроника войны, оборона Москвы (история боевых действий различных воинских частей), включая историю народного ополчения, партизанское движение на оккупированных территориях и др.

17 декабря 1941 г. Минц обратился к заместителю председателя Моссовета Иванову с просьбой выделить две легковые машины и бензин для поездок сотрудников Комиссии, которым «поручено собирание материалов и запись бесед с руководителями и участниками обороны Москвы»¹²³.

29 декабря 1941 г. на заседании у заместителя Л.З. Мехлиса Ф.Ф. Кузнецова было решено, что Комиссия приступает к написанию историй 46-й дивизии, 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, 1-го конногвардейского корпуса и 8-й дивизии им. Панфилова. Причем Кузнецов, первоначально не вполне доверявший ученым, настаивал, чтобы книги писали только проверенные люди, имевшие допуск к секретной информации, — политработники этих соединений. Чтобы избежать этого, Минц вынужден был даже предложить свою кандидатуру для написания историй нескольких дивизий¹²⁴.

¹²¹ НА ИРИ РАН. Дело фонда 2.

¹²² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 166.

¹²³ Там же. Л. 2.

¹²⁴ *Минц И.И.* Из памяти... С. 49—50. «Был вызван армейским комиссаром второго ранга тов. Кузнецовым — заместителем тов. Мехлиса. Речь шла об организации работы по истории обороны Москвы и отечественной войне. Мы договорились, что группа товарищей будет допущена к материалам Главного управления политической пропаганды Красной армии: ко всем газетам — фронтовым, армейским и дивизионным, материалам 7-го отдела, ведущего работу среди войск противника. Нам дадут политсводку, характеризующую общее положение на фронте и в частях и т.д. Кроме того, решено выделить группу военных товарищей и прикрепить их к нашей комиссии для собирания материала. Самое отградное, что договорились, наконец, о приступе к работе над историей отдельных частей».

Обстановка военного времени была связана со сложными согласованиями для выезда сотрудников Комиссии на места для сбора материалов. К примеру, 30 декабря 1941 г. Минц обратился в Управление милиции г. Москвы с просьбой выдать пропуска для проезда в г. Калинин (Тверь) и обратно ему, а также научным сотрудникам Комиссии Е.Н. Городецкому, Р.Л. Тараховской и художнику А.Н. Ермолаеву. В поездке предполагалось собирать материалы для Летописи войны¹²⁵.

В январе 1942 г. сотрудники Комиссии стали регулярно выезжать в освобожденные районы для опроса мирных жителей и партизан. В это время зародилось еще одно очень важное направление работы Комиссии — фиксация данных об ущербе, нанесенном гитлеровскими войсками советским гражданам и организациям, отечественной экономике и культуре. Инициатива получила развитие после поездки в конце декабря 1941 г. И.И. Минца и сотрудника Комиссии Е.Н. Городецкого вместе с известными деятелями культуры в разрушенную гитлеровцами Ясную Поляну, только что освобожденную от захватчиков. В поездке участвовали внучка Л.Н. Толстого — С.А. Толстая-Есенина, архитектор А.В. Щусев и др. В Ясной Поляне был проведен опрос сотрудников музея-усадьбы и местных колхозников¹²⁶. Итогом поездки стала нота наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова от 6 января 1942 г. Затем был опубликован сборник «Ясная Поляна. Статьи и документы»¹²⁷. 2 января 1942 г. Минц направил руководителю Агитпропа ЦК партии Александрову письмо, в котором предложил срочно организовать специальные комиссии по фиксации и определению ущерба, нанесенного СССР фашистскими захватчиками. В письме Минц апеллировал к опыту Генуэзской конференции, когда урегулировались взаимные материальные претензии Советской России и стран, участвовавших в Первой мировой войне. Он писал, в частности: «Так как работа производилась несколько лет спустя после окончания Гражданской войны, то комиссии столкнулись с большим недостатком данных»¹²⁸.

В результате 2 ноября 1942 г. была создана знаменитая ЧГК — Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Минц и его сотрудники принимали участие в организации и деятельности ЧГК. Так, весной 1942 г. Комиссия получила на согласование проект составленной Исполкомом Мособлсовета «Инструкции по активированию разрушений и убытков, причиненных немецкими оккупантами в районах Московской области»¹²⁹, а в апреле 1943 г. —

¹²⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 7. Минц и Городецкий также просили выдать им оружие в связи с опасностью поездок на фронт. Там же, Л. 9, 11.

¹²⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VI. Оп. 4.

¹²⁷ Ясная Поляна. Статьи и документы / Сост. С.А. Толстая-Есенина, Э.З. Зайденшур, Е.Н. Чеботаревская; под ред. И.И. Минца и С.А. Толстой-Есениной. М., 1942.

¹²⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

¹²⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 7. Л. 1–2.

«Инструкцию по учету разрушений и ущерба, причиненных немецкими оккупантами культурным ценностям СССР»¹³⁰.

В связи с тем, что Комиссия в ходе войны постоянно расширяла основные направления своей деятельности, чрезвычайно остро стоял вопрос кадров. На начало января 1942 г. общее число сотрудников Комиссии составляло 40 человек¹³¹, впоследствии их было более 50.

Помимо небольшого постоянного штата, Минц добивался временного прикомандирования к Комиссии людей с гуманитарным образованием, как правило, политработников, для сбора материалов, работы над конкретными проектами. Численность прикомандированных менялась, в общей сложности за войну через Комиссию прошли сотни человек. Многие из прикомандированных выполняли работу в течение продолжительного времени и внесли заметный вклад в ее деятельность. Среди них была ученица И.И. Минца историк Л.М. Зак, служившая в начале войны политруком. 2 января 1942 г. Минц обратился к руководству Западного фронта с просьбой прикомандировать ее к Комиссии¹³², и в начале февраля она приступила к работе¹³³.

Одними из первых 28 января 1942 г. распоряжением начальника резерва ГлавПУР РККА полкового комиссара Железняка к Комиссии Минца были временно прикомандированы для работы по составлению «Хроники обороны Москвы» Шустер Ура Абрамович (без звания), Байдебур Павел Андреевич (старший политрук), Чирва Карп Илларионович (батальонный комиссар), Самсонов Василий Тимофеевич (политрук), Черепухов Матвей Самойлович (политрук), Белецкий Петр Иванович (старший политрук), Мокряков Петр Тимофеевич (младший политрук), Гаврилов Алексей Васильевич (старший политрук), Троян Сергей Федорович (старший политрук), Мизенцев Павел Михайлович (старший политрук), Бортников Иван Васильевич (старший батальонный комиссар)¹³⁴. 11 февраля 1942 г. Минц написал Железняку с просьбой продлить прикомандирование Чирве, Черепухову и Белецкому до 28 февраля для продолжения работы¹³⁵. Впоследствии эти просьбы неоднократно повторялись, причем прикомандировывались и другие политработники.

Из упомянутого выше первого состава прикомандированных П.И. Белецкий (в начале 1942 г. его заданием стало интервьюирование партизан Подмосковья) проработал в Комиссии до конца войны (одна из последних его работ в Комиссии — сбор материалов о партизанском движении в Крыму). 26 марта 1942 г. Минц просил прикомандировать к Комиссии студента Литературного института А.Н. Казанского, который затем успешно работал над историей воинских частей¹³⁶.

¹³⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Дело 7. Л. 5.

¹³¹ Там же. Оп. 1. Д. 23. Л. 16.

¹³² Там же. Л. 14.

¹³³ Там же. Л. 56.

¹³⁴ Там же. Дело 17. Л. 2.

¹³⁵ Там же. Л. 6—7.

¹³⁶ Там же. Д. 23. Л. 79.

Свою коллегу по редакции ИГВ историка Э.Б. Генкину Минц также сумел устроить на работу в Комиссию. Она считалась прикомандированной к ней по линии ЦК ВКП(б) с июня 1942 г.

В ходе работы стали формироваться отделы Комиссии, которые отвечали за определенные направления работы. Первой появилась **группа Летописи/Хроники**, основной целью которой было составление хроники событий войны, и прежде всего обороны Москвы. Летопись должна была служить, во-первых, канвой для написания истории войны, а во-вторых, являлась «весьма ценным материалом в повседневной работе пропагандистов и агитаторов»¹³⁷. Работа велась по-военному быстро. Уже в феврале 1942 г. на имя К.С. Кузакова — заместителя Александра в Агитпропе ЦК партии — из Комиссии был направлен и для сведения, и в качестве образца первый блок карточек из «Хроники Московской битвы»¹³⁸.

20 июля 1942 г. на редакционном совещании Комиссии были подведены некоторые итоги работы по составлению Хроники. С конца января 1942 г. этим направлением работы руководила опытный историк О.Н. Чадаева. Из протокола видно, что работа шла трудно, людей не хватало, обрабатывались только шесть центральных газет, цель и тематика не были продуманы, из-за чего страдала классификация. Предлагалось обрабатывать в первую очередь не центральные, а более фактографичные фронтовые газеты, однако на практике доставать и оперативно доставлять их в Комиссию было очень сложно. Заместитель И.И. Минца по Комиссии И.М. Разгон отмечал, что «многие карточки раздела военных операций не дают никакого представления о событиях». Указывалось, что в хронику попадает много лишнего материала¹³⁹. Несмотря на трудности сбора материалов даже по Московской битве, Минц продолжал настаивать на том, чтобы не ограничиваться сбором документов по обороне Москвы, а собирать информацию и по войне в целом. В связи с тем, что Хроника составлялась не только по открытым (газеты, сводки Совинформбюро), но и по закрытым источникам (партийно-политические документы, материалы воинских частей), она была засекречена.

Минц придавал большое значение группе Хроники, считал ее базовой для остальных направлений деятельности Комиссии, настаивал на том, что над Хроникой должны работать только квалифицированные научные сотрудники. В январе 1942 г. предполагалось опубликовать краткую Хронику обороны Москвы. К январю 1943 г. было составлено 7 тыс. карточек, содержащих фактические данные по обороне Москвы за период с июня по декабрь 1941-го и январь 1942 г. По словам О.Н. Чадаевой, «большую часть работы провели тт. М.К. Рожкова и М.Э. Сорокина, которые не в пример некоторым другим товарищам, привлекавшимся ранее к написанию карточек, считали эту работу

¹³⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Дело 1. Л. 42.

¹³⁸ Там же. Дело 17. Л. 8–9.

¹³⁹ Там же. Дело 2. Л. 3–3 об. В совещании принимали участие О.Н. Чадаева, А.Л. Сидоров, Р.И. Кроль, Р.И. Голубева, П.Н. Миллер, И.М. Разгон, И.И. Минц.

ценной и интересной». Данные собирались из прессы, в архивах и от очевидцев событий, а также в комиссиях по истории войны, организованных при столичных райкомах ВКП(б)¹⁴⁰. В 1943 г. предполагалось обработать 58 районных и центральных газет, журналов, книг (например, «Героическая Москва») и брошюр. М.К. Рожкова должна была подготовить очерк «Воспитательная работа в освобожденных районах Московской области»¹⁴¹. Работа над Хроникой обороны Москвы продолжалась и в 1944—1945 гг.

Собранные группой Хроники материалы составляют раздел XIII современного фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН (1230 дел): бюллетени, листовки, плакаты, обращения, брошюры, газеты воинских частей, партизанских и подпольных соединений и организаций; листовки, брошюры, книги, газеты и плакаты, изданные МК ВКП(б), Военным и Военно-морским издательствами; информбюллетени; газеты, обращения, воззвания и листовки, изданные политуправлениями фронтов на немецком и других языках; газетные вырезки по различным аспектам Великой Отечественной войны, картотеки (около 80 ящиков)¹⁴².

О других направлениях работы Комиссии и соответствующих отделах И.И. Минц говорил 5 мая 1942 г. в своем докладе «О документах Отечественной войны» на Общем собрании эвакуированной Академии наук в Свердловске¹⁴³ (напомним, что на следующий день Общее собрание утвердило постановление Президиума АН СССР от 15 января 1942 г. об образовании при нем Комиссии по изучению истории Отечественной войны¹⁴⁴). В качестве главой цели Комиссии Минц в своем выступлении обозначил сохранение документов, которые «пропадают», а также памяти о войне. «...Люди уходят, а те, которые остаются, забывают <...> Будущее поколение, несомненно, спросит у нас, потребует ответа от нас — чем объяснить, что ни одно государство не выдержало удара бронированной армии фашистов, а Советский Союз выдержал, не сдался, побеждает и, несомненно, победит окончательно гитлеровскую армию <...> Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо собрать документы, и собирать их нужно теперь же. С этой целью и создана Комиссия по собиранию и подготовке документов Великой Отечественной войны <...> Комиссия предполагает развернуть свою работу по нескольким группам исторических документов»¹⁴⁵.

Далее Минц перечислил эти тематические блоки:

- партизанское движение;
- деятельность героической Красной армии (включая историю воинских частей);
- Герои Советского Союза;

¹⁴⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 17. Л. 1 об.

¹⁴¹ Там же. Д. 37. Л. 24.

¹⁴² *Архангородская И.С., Курносов А.А.* О создании Комиссии по истории ВОВ АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования) // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 228.

¹⁴³ АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 191—216.

¹⁴⁴ Там же. Л. 227.

¹⁴⁵ Там же. Л. 192—193.

- оборона Москвы (напомним, что к тому времени не было ни Сталинграда, ни Курска, и Московская битва оставалась в центре внимания);
- единство фронта и тыла (работа промышленных предприятий по обеспечению фронта);
- наука, школа и искусство во время войны, литература во время войны;
- «лицо врага» (трофейные материалы);
- германский оккупационный режим.

В соответствии с этой классификацией в Комиссии к июлю 1942 г. были сформированы Отделы по сбору материалов¹⁴⁶.

Пожалуй, наиболее важным в свете написания истории войны был **Военный отдел**, собиравший документы по истории боевых операций и воинских частей. В упомянутом докладе перед Общим собранием АН Минц говорил: «Само собой разумеется, что собрать эти материалы сейчас представляет чрезвычайно большие трудности. Мы находимся еще в драке, которая на наших глазах разгорается. <...> Многие документы представляют собой еще такую ценность, что могут оказать услуги не тем, для кого они рассчитаны. Поэтому тут пришлось, прежде чем приступить к работе, наметить какое-то русло, <...> чем можно заняться в первую очередь. Эти отдельные группы документов будут следующие. Прежде всего мы займемся собиранием материала и изданием материала о героях Советского Союза. Вторая группа вопросов, связанных с этим, — история отдельных частей. <...> Мы разработали специальную форму, помогающую укладывать как-то этот материал в такой вид, чтобы в случае пропажи документов у нас остались какие-то данные. Это дневник жизни дивизии, составлен по особой форме с учетом всех документов, какие дивизия имеет: приказы, политдонесения, рассказы Героев и т.д.

Нам удалось по такому принципу наметить довольно значительную группу этих частей. Представители Комиссии, с разрешения командования, имеют возможность посещать эти части, принимать участие в повседневной жизни и, оказываясь на месте, наблюдать весь ход боевой деятельности, кончая, скажем, приемом в партию.

Третья группа вопросов, наиболее важных, наиболее интересных для нас, это история крупнейших переломных операций, и прежде всего, и раньше всего — история обороны Москвы. Сейчас уже для этой цели предпринято довольно много в том смысле, что удалось наладить собирание материалов по этой величайшей битве, которую когда-либо знало человечество»¹⁴⁷.

По решению начальника ГлавПУРа А.С. Щербакова сотрудники Военного отдела Комиссии первоначально сосредоточились на истории обороны столицы. Материалы по Битве за Москву, собранные Комиссией, включая стенограммы интервью, посылались «для сведения и одобрения» в ЦК партии¹⁴⁸.

¹⁴⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 6 «Планы, тематика и распределение работ между сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны. 1941–1943 гг.».

¹⁴⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 199, 204, 205.

¹⁴⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 17. Л. 8–9.

При написании истории обороны Москвы акцент делался на создание историй именно тех частей, которые после Московской битвы получили звание гвардейских. Минц настаивал на том, что истории гвардейских частей должны быть изданы в виде брошюр для широких масс, а не для служебного пользования.

Много внимания уделялось работе по истории дивизий народного ополчения, которые были образованы в июле 1941 г. и затем получили статус регулярных формирований. Как известно, эти дивизии практически полностью погибли в Вяземском котле, но затем, переформированные, были вновь введены в строй¹⁴⁹. Особое внимание уделялось историям ополченческих дивизий, созданных в октябре 1941 г.¹⁵⁰ Минц сообщал командованию 130-й дивизии: «Тов. Щербаков очень интересуется ополченскими дивизиями и особенно октябрьскими формированиями»¹⁵¹. Вероятно, причина была в том, что эти соединения имели более благоприятную судьбу, нежели не избежавшие больших потерь добровольческие дивизии, сформированные в столице в июле 1941 г.

14 июля 1942 г. Минц сообщал заместителю начальника ГлавПУРа РККА бригадному комиссару Шикину: «Для истории обороны Москвы, как указал начальник ПУРККА, очень важна история ополченческих дивизий. Их четыре. Историю трех дивизий мы уже наладили. Историю 173-й дивизии (первоначально Дивизия народного ополчения Киевского района г. Москвы) написал батальонный комиссар Маркус, ныне находящийся в резерве Политуправления Западного фронта» (окончание работы планировалось к 15 октября 1942 г.)¹⁵². В письме в ЦК ВКП(б) Александрову от 24 сентября 1942 г. Минц добавлял такие подробности: «Товарищ Щербаков рекомендовал написать историю всех ополченческих дивизий Москвы. Мы работаем сейчас над следующими дивизиями:

- 1) 11-я гвардейская (бывшее народное ополчение Ленинградского района)
- 2) 110-я стрелковая (бывшее народное ополчение Куйбышевского района)

¹⁴⁹ 24 августа 1941 г. был издан приказ НКО «О переводе дивизий народного ополчения на штаты и табеля действующей Красной Армии» к 1 сентября. В результате дивизии перестали именоваться дивизиями народного ополчения, а полки и специальные подразделения получили общеармейскую нумерацию. После доукомплектования их численным составом из военно-обязанных МВО и вооружением 26 сентября 1941 г. приказом по Резервному фронту бывшие дивизии народного ополчения вошли в состав кадровых дивизий РККА, и им были присвоены новые номера. См.: Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 г. / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М., 1978. С. 184, 186; Пошеманский Ю.М. Солдаты Красной Пресни. М., 1984. С. 8—9; Московское ополчение. Краткий исторический очерк / Н.М. Алещенко, К.И. Буков, А.Д. Колесник, А.М. Сеницын. М., 1969. С. 44—46.

¹⁵⁰ 16 октября в связи с созданием вокруг Москвы оборонительных рубежей и формированием воинских частей для их защиты истребительные батальоны были соединены в пять полков, сведенных затем в две бригады московских рабочих. В результате реорганизации рабочих и истребительных батальонов были созданы четыре московские стрелковые дивизии — 2-я, 3-я Коммунистическая, 4-я и 5-я общей численностью 39 023 человека.

¹⁵¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 80.

¹⁵² Там же. Д. 17. Л. 35.

3) 160-я стрелковая (бывшее народное ополчение)¹⁵³)

4) 130-я стрелковая (бывшая Московская коммунистическая дивизия)¹⁵⁴.

Историю 130-й стрелковой дивизии начал составлять сам Минц, получивший на этот счет «прямое указание ГлавПУ РККА». Однако вплотную заняться этим он не мог, т.к. в то время был занят срочной работой по завершению второго тома «Истории Гражданской войны в СССР». Поэтому основную часть работы выполнил историк, в то время политрук В.И. Шунков, влившийся в состав Комиссии в июне 1942 г.¹⁵⁵ В августе 1942 г. Минц писал начальнику политотдела 130-й с.д. Бирюкову: «Посылаю к Вам тов. Шункова для дополнительного сбора материалов. Это не значит, что я не буду заниматься дивизией. Тов. Шунков соберет весь материал, напишет предварительный проект, а я обязательно приму участие в окончательном оформлении»¹⁵⁶. Предполагалось, что книга будет закончена к декабрю 1942 г.

Авторами историй других вышеуказанных дивизий столичного ополчения были сотрудники Военного отдела Комиссии, направленные в ее распоряжение в марте 1942 г. после соответствующей просьбы И.И. Минца, адресованной А.С. Щербакову: «Считаю крайне необходимым прикомандировать к Комиссии по истории Великой Отечественной войны следующих товарищей: А.Л. Сидорова, П.М. Федосова, П.И. Белецкого, которые будут работать по составлению истории обороны Москвы. Все эти товарищи являются высококвалифицированными историками и по существу будут выполнять работу для ПУРККА и Генштаба РККА»¹⁵⁷.

А.Л. Сидоров, приступив к работе в Комиссии с 30 мая 1942 г.¹⁵⁸, стал бесшумным руководителем ее Военного отдела до конца войны. Он работал над историей 110-й стрелковой дивизии (срок — конец декабря 1942 г.). Батальонный комиссар П.М. Федосов занимался написанием истории 1-й Московской гвардейской мотострелковой дивизии (предполагалось завершить работу к 15 ноября 1942 г.)¹⁵⁹. Об 11-й гвардейской стрелковой дивизии писал политрук У.А. Шустер (срок завершения — к 1 декабря 1942 г.). В Военном отделе также работал старший политрук Я.Л. Лившиц, который составлял историю «Катуковской» (1-й гвардейской) танковой бригады¹⁶⁰ и собирал материалы по 8-й гвар-

¹⁵³ Так в тексте.

¹⁵⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 17. Л. 55.

¹⁵⁵ Там же. Д. 23. Л. 180.

¹⁵⁶ Там же. Д. 24. Л. 79.

¹⁵⁷ Там же. Д. 22. Л. 74.

¹⁵⁸ Там же. Д. 23. Л. 158.

¹⁵⁹ См. очерк о нем: *Федосова Э.П.* «Привезенный материал может служить для написания истории...» // АЕ за 2011 г. М.: Наука, 2014. С. 167–176.

¹⁶⁰ Текст книги был готов к 15 октября 1942 г., и предполагалось сдать его в набор (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 66). 2 февраля А.А. Белкин направил членам Комиссии Г.Ф. Александрову, М.Б. Митину, Ем. Ярославскому и генерал-майору И.В. Шикину верстку этой книги. Ее решено было издать к 25-летию РККА (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 97). Печатное издание: *Лившиц Я.Л.* Первая гвардейская танковая бригада в боях за Москву (октябрь 1941 — апрель 1942). М., 1949. Рукопись была высоко оценена генерал-майором Кривошеиным.

дейской дивизии Панфилова и гвардейскому кавалерийскому корпусу Белова (книга Я.Л. Лившица о 1-й гвардейской танковой бригаде предназначалась для массового читателя и должна была быть издана Госполитиздатом)¹⁶¹. Сотрудник Военного отдела [В.А.] Круть вел работу по 113-й стрелковой дивизии (бывшая дивизия народного ополчения Фрунзенского района)¹⁶².

8 марта 1942 г. И.И. Минц записал: «Случайно попал к гвардейцам из корпуса Доватора <...> Условились с гвардейцами о приезде в корпус, чтобы наладить составление истории»¹⁶³. По словам Минца, к концу апреля 1942 г. уже были практически закончены истории: Особого батальона Московского военного округа, 22-й танковой бригады (автор — А.Л. Минаев, могла быть сдана в печать к 25 октября), 33-й танковой бригады, 12-го гвардейского истребительного авиаполка, 173-й стрелковой дивизии¹⁶⁴. Тут следует сказать, что Минц несколько опережал события: к этому времени была написана, вероятно, только история Отдельного особого батальона Военного совета МВО, который участвовал в операции под Малоярославцем в конце декабря 1941 года¹⁶⁵. Также, по всей видимости, была полностью закончена история 33-й танковой бригады¹⁶⁶ (опросы бойцов и командиров бригады проводили 7—11 февраля 1942 г. прикомандированные Резервом ГлавПУРа РККА к Комиссии техник-интендант 1-го ранга В.С. Загоруйко и сотрудник редакционной газеты А.Л. Золотушкин; очерк же был написан упомянутым выше А. Казанским). Эти работы были закончены только к сентябрю 1942 г.¹⁶⁷

Некоторые очерки были заранее включены в план Госполитиздата¹⁶⁸. К 25-й годовщине РККА была задумана книга «Очерки по истории Красной армии» (должна была быть подготовлена к декабрю 1942 г.)¹⁶⁹. Однако по разным причинам не все планы удавалось довести до завершения, зачастую не выдерживались и жесткие сроки окончания работы над текстами.

10 августа 1942 г. в письме к заместителю начальника ГлавПУРа РККА Минц писал: «Нам поручено приготовить книгу по истории обороны Москвы. Мы приступили, прежде всего, к собиранию материалов, которые меньше всего отложились в архивах: творческая инициатива масс, участие в оборонительной работе, народное ополчение и т.п. Одновременно мы изучали материалы военные. Мне казалось, что для правильной картинки одного знакомства с

¹⁶¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 115. Книга была издана только в 1948 г.

¹⁶² Там же. Д. 6. Л. 13.

¹⁶³ Минц И.И. Из памяти... С. 60—61.

¹⁶⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 22. Л. 22.

¹⁶⁵ Опросы проводила Л.М. Зак 29—30 января 1942 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 15). Текст истории батальона в фонде не отложился, имеются только стенограммы.

¹⁶⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 26.

¹⁶⁷ В конце сентября Минц сообщил о готовности только следующих книг: «1-я гвардейская танковая бригада (Катукова)», «12-й (московский) гвардейский авиационный полк», «22-я танковая бригада», «1-я гвардейская мотострелковая бригада», «173-я дивизия» (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 55).

¹⁶⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 324.

¹⁶⁹ Там же.

документами мало. Нужно поговорить с бойцами, командирами, участниками великих событий, записать их рассказы. Поэтому одновременно с работой по собиранию документов и материалов мы решили познакомиться с историей нескольких боевых частей — танковых, пехотных и авиационных...»¹⁷⁰. Знакомство с авиационными частями началось с 12-го гвардейского истребительного авиаполка. Во второй половине апреля 1942 г. научные сотрудники Комиссии Л.М. Зак, М.Д. Розанова¹⁷¹, Е.М. Грицевская¹⁷² еще только проводили опрос военнослужащих. Эти опросы продолжались и в мае¹⁷³. Л.М. Зак закончила «Историю 12-го гвардейского истребительного авиаполка» не позднее октября 1942 г. История «читалась в штабе полка и в штабе МВО». Редактором был другой сотрудник Комиссии — Н.С. Волков¹⁷⁴. На 21 октября 1942 г. было намечено «обсуждение всей работы»¹⁷⁵. Интересно, что собственно сборник¹⁷⁶ — это литературно обработанные стенограммы бесед с бойцами полка. Наряду с этим есть «академическая» работа Л.М. Зак «12-й гвардейский истребительный авиаполк. Очерк боевой истории 1941 — март 1942»¹⁷⁷. Таким образом, в ходе войны реализовывалась идея Минца о создании как научных работ, так и публицистических брошюр о боевых частях РККА.

Минц считал, что на собранных Комиссией материалах можно воспитывать молодых бойцов, прибывающих в части на пополнение. Показательно, что появление первых книг по истории воинских частей имело «эффект домино», к примеру, работа над историей 12-го авиаполка подвигла другие авиационные части приступить к составлению своих историй¹⁷⁸. Сотрудники Комиссии работали над историей 16-го авиаполка (в частности, Е.М. Грицевская проводила интервью 19—22 мая 1942 г., сохранились наброски истории полка)¹⁷⁹. В июне 1942 г. та же Е.М. Грицевская работала над историей 27-го авиаполка¹⁸⁰.

Зимой-летом 1942 г. сотрудники Военного отдела Комиссии неоднократно выезжали на фронт для сбора материалов и уточнения данных: Минц, Зак и Шамшина, в частности, в феврале 1942 г. побывали в 21-й танковой бригаде

¹⁷⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 45.

¹⁷¹ *Розанова Мария Дмитриевна* (1915—1944), до войны окончила МГПИ, работала литературным сотрудником в газете «Правда», редактором отдела печати ВОКС. Отец — революционер, в советские годы — преподаватель Дмитрий Александрович Розанов. Некоторое время в 1942 г. являлась научным сотрудником Комиссии Минца. Добровольно ушла на фронт в августе 1942 г. — направлена медсестрой в 130-ю дивизию, погибла в бою в 1944 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 250).

¹⁷² *Грицевская Елизавета Михайловна* — сестра жены И.И. Минца, м.н.с. Комиссии, участник войны в Испании, работала в авиационных частях, была награждена правительственными наградами.

¹⁷³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 1. Д. 8—18.

¹⁷⁴ *Волков Николай Сергеевич* — историк, сотрудник Института истории АН СССР. Парторг Комиссии в 1943 г. Специалист по истории авиации.

¹⁷⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 66 об.

¹⁷⁶ Там же. Д. 19.

¹⁷⁷ Там же. Д. 28.

¹⁷⁸ Там же. Д. 22. Л. 45 об.

¹⁷⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 2.

¹⁸⁰ Там же. Оп. 3.

(Шамшина еще раз ездила туда же в марте). Лившиц и Бондаренко в апреле-мае 1942 г. ездили в «Катуковскую» танковую бригаду, Федосов и Шамшина в мае — в 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию, Сидоров и Шамшина в июне 1942 г. — в 160-ю стрелковую дивизию¹⁸¹.

Работа по созданию истории Московской битвы велась в тесном контакте с Военно-историческим отделом Генерального штаба РККА. В письме от 20 марта 1942 г. Минц сообщал армейскому комиссару Кузнецову, что «очерк операций по обороне Москвы будет составлять военно-исторический отдел Генштаба РККА совместно с нами. Сборник этот предназначается для армии». Параллельно Минц предполагал написать об обороне Москвы «книгу для широких масс по типу тома «Истории Гражданской войны»¹⁸².

Из письма от 23 февраля 1942 г. капитана Фельдмана (Москва) начальнику штаба Московской зоны обороны генерал-майору Кудряшову видно, что «согласно приказу по Штабу МВО от 30 декабря 1941 г. за № 20 была создана комиссия по составлению «Истории боевых действий частей Московской Зоны Обороны». В результате эта комиссия, расширив рамки поставленных задач, написала работу под названием «Оборона Москвы войсками МЗО» [11 глав к 22 февраля 1942 г.]. Авторский коллектив: майор Павленко Н.Г., батальонный комиссар Ровинский Е.А. (из другой записи видно, что он — к.и.н.), полковник Никитин, подполковник Погорелый П.М., подполковник Касимов Н.А., майор Бовбыш Е.Ф., капитан Ищенко В.Е., политрук Альтер Л.Б. (из другой записи видно, что он — к.э.н.), председатель комиссии — капитан Фельдман. 23 февраля 1942 г. Москва»¹⁸³.

Действительно, были составлены два тома книги, описывающей оборону Москвы, для чего была собрана подробнейшая информация по инженерным сооружениям, вооружению, действиям воинских частей, народному ополчению и пр. со статистикой и т.п. данными. По понятным причинам эта книга в военных условиях проходила под грифом «секретно»¹⁸⁴.

31 марта 1942 г. Военный совет войск противовоздушной обороны направил письмо в Московский корпус ПВО с предложением оказать содействие Комиссии в ее работе по подготовке истории обороны Москвы. Политотделам частей ПВО предлагалось собирать документы, материалы, фотоматериалы, записи рассказов Героев Советского Союза, орденосцев, бойцов и командиров, отличившихся в боях; представить материалы, отображавшие участие частей ПВО в борьбе с наземным противником, фашистскими танками¹⁸⁵.

Важно подчеркнуть, что Минц предлагал особое внимание обращать на сбор материалов, которые не входят в номенклатуру дел для последующего архивного хранения (Протокол № 2 заседания Комиссии от 30 сентября 1942 г.)¹⁸⁶.

¹⁸¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 37.

¹⁸² Там же. Д. 22. Л. 18.

¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 204. Л. 8.

¹⁸⁴ Там же. Л. 9—193 (1-й том); Там же. Д. 205 (2-й том).

¹⁸⁵ Там же. Д. 22. Л. 21.

¹⁸⁶ Там же. Д. 2. Л. 6—7.

В октябре 1942 г. началось написание Комиссией обобщающей книги по обороне Москвы. Главы были распределены между членами Комиссии И.И. Минцем, А.Л. Минаевым, И.М. Разгоном, Н.С. Волковым, А.Л. Сидоровым, Э.Б. Генкиной, Л.М. Зак, О.Н. Чаадаевой. При этом продолжался сбор материалов в текущем архиве МК ВКП(б), где от Комиссии работали А.Л. Сидоров, Н.С. Волков, В.Ф. Шагина, А.И. Федяева. В архиве Моссовета и облисполкома отбирали материалы Б.Л. Маркус, Г.Р. Геррес, С.М. Драбкина, в архивах столичных райкомов и райсоветов — О.Н. Чаадаева, Т.А. Волжина, Ф.Л. Еловцан¹⁸⁷.

Тесное сотрудничество с партийными и советскими органами сложилось с самого начала работы Комиссии. Без поддержки с их стороны в тех условиях продвинуться в работе было невозможно. При этом важно было знать и соблюдать номенклатурную субординацию, уметь «инициировать» письма «кураторов». Эта «кухня» была хорошо знакома И.И. Минцу, инициатива которого читается во многих партийных документах между строк. К примеру, 23 февраля 1942 г. руководитель Агитпропа ЦК партии Александров обратился с письмом к председателю Моссовета В.П. Пронину, прося его принять Минца для передачи тому материалов, характеризующих деятельность руководителей партии и правительства в ходе битвы за Москву¹⁸⁸.

Работа в созданных для сбора материала об обороне Москвы районных комиссиях велась вначале на общественных началах под руководством секретаря МК ВКП(б) по пропаганде Е.И. Леонтьевой. Райкомиссии начали работать во втором квартале 1942 г. после созыва 23 марта 1942 г. специального совещания на эту тему с участием назначенных председателей комиссий. В июне 1942 г. по ходатайству Леонтьевой Моссовет выделил 4 тыс. рублей каждой комиссии. Была разработана инструкция по работе комиссий, а также об оформлении поступающих к ним материалов. В декабре 1942 г. Минц обратился к Леонтьевой с просьбой выделить дополнительные ассигнования и штатные единицы (по одному постоянному сотруднику на каждый район)¹⁸⁹. К концу 1942 г. сбор материалов в райкомиссиях шел вяло, а с 1 января 1943 г. отпуск средств на эти цели из партийного бюджета был прекращен. В общей сложности Комиссия Минца получила от них 300 папок материалов (документы, стенограммы бесед, очерки, воспоминания)¹⁹⁰. Одновременно по обороне Москвы собирались материалы и в 7-м отделе ГлавПУРа РККА¹⁹¹.

12 ноября 1942 г. Минц получил письмо от начальника Военно-исторического отдела Генерального штаба РККА Н.А. Таленского, в котором тот подтверждал, что план книги «Оборона Москвы», предложенный Минцем, одобрен его на-

¹⁸⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 6. Л. 28. Подробный план книги (проект с правкой — л. 30–33).

¹⁸⁸ Там же. Д. 22. Л. 11.

¹⁸⁹ Там же. Л. 77.

¹⁹⁰ Там же. Д. 18. Л. 1–2 об.

¹⁹¹ Там же. Д. 22. Л. 86.

чальником генералом Ф.Е. Боковым¹⁹². Составление «военных» глав книги было поручено генерал-лейтенанту Шиловскому и полковому комиссару Кораблеву¹⁹³.

Работа над книгой по обороне Москвы была в центре внимания Комиссии не только в 1942 г., но и в течение всего 1943 г. В дополнении к годовому отчету за 1943 г. ученый секретарь Комиссии Белкин писал: «1. Основной научной работой Комиссии в плане 1943 г. являлось собирание материалов и подготовка книги «Оборона Москвы». Главное содержание этой работы — собирание материалов и написание глав на темы: Народное ополчение Москвы, Воздушная битва за Москву, рабочие и истребительные батальоны, строительство оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к Москве, речь т. Сталина 6 и 7 ноября 1941 г., Советский Союз в помощь Москве, собственно военно-оперативный анализ боев за Москву»¹⁹⁴.

30 июля 1943 г. Минц писал А.С. Щербакову: «Александр Сергеевич! Я боюсь вызвать с Вашей стороны упрек в назойливости, но вопрос, который я ниже поднимаю, имеет прямое отношение к политической работе в армии: 24 июля был опубликован приказ товарища Сталина по войскам. Среди командиров, которым Верховный главнокомандующий объявил благодарность за боевую работу, был назван генерал-лейтенант Катукон — в прошлом командир танковой бригады, первой в Союзе получившей гвардейское знамя. Работая над историей обороны Москвы, мы изучили и записали историю боевого пути ряда дивизий, и в том числе 1-й Гвардейской танковой бригады.

Многих героев бригады, о которых мы пишем, уже нет — они отдали свою жизнь за дело родины. Пришедшее пополнение не знает, чьей кровью обогрето гвардейское знамя танковой бригады, кто создал и воспитал героическую бригаду. Мы восстановили память танкиста Лавриненко, уничтожившего 52 танка (стр. 79—81, 136—140), мы рассказываем о находчивости и смекалке воинов (стр. 27—39), об упорстве в обороне (стр. 90—95), о стремительности в наступлении и т.п. Издание истории для бригады будет иметь огромное значение как средство воспитания боевых традиций.

Разрешите нам издать историю гвардейской танковой бригады только для распространения в армии по закрытой сети. Для редактирования книги и подобных же изданий в будущем позволю себе предложить следующих товарищей: Александров Г.Ф., Минц И.И., Шикин И.В.». Одновременно с письмом Минц передал начальнику ГлавПУРа Щербакову рабочую верстку книги с иллюстрациями¹⁹⁵. Последовал ли ответ на это письмо, неизвестно, однако книги по истории танковой бригады так и не были изданы.

Работа над сборником по обороне Москвы, которой, как порой казалось, не будет конца, поскольку требовалось уточнить все больше вопросов, про-

¹⁹² Ф.Е. Боков — военный комиссар Генштаба РККА в августе 1941 — июле 1942 г., зам. начальника Генштаба по организационным вопросам в июле 1942 — апреле 1943 г.

¹⁹³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.

¹⁹⁴ Там же. Д. 38. Л. 26.

¹⁹⁵ Там же. Д. 22. Л. 131.

должалась и в 1944 г. Усилия сотрудников Военного отдела Анпилогова, Голубевой, Минаева, Федосова и Грицевской были направлены на обработку полученных фронтовых материалов и на продолжение написания историй дивизий народного ополчения Москвы (в райкомах и в архиве МВО: Анпилогов — по дивизии Ленинского района, а также по ополченцам МГУ, ГИТИСа, Исторического музея; Федосов — по ополченцам Фрунзенского района, Логинов — Ленинского, Минаев — Ростокинского, Сидоров — Куйбышевского, Грицевская — Кировского, Голубева — Москворецкого). Было решено при помощи МК ВКП(б) провести анкетирование о народном ополчении по всем сельским районам Московской области (за это отвечал А.Л. Сидоров). Кроме того, Анпилову и Грицевской было поручено «в недельный срок составить список предприятий и учреждений г. Москвы для сбора по ним материалов о народном ополчении и рабочих батальонам». Планировалось «предусмотреть вузы и НИИ, театры и другие учреждения в области искусства, несколько крупнейших промышленных предприятий, несколько наркоматов. <...> При отборе материалов по народному ополчению обратить особое внимание на формирование, на период боевой подготовки и вооружения дивизий, на бои под Москвой (октябрь 1941 — февраль 1942 г., на присуждение дивизиям гвардейского звания и награждение боевыми орденами». В результате в архив Комиссии поступил значительный комплекс материалов по формированию дивизий Ленинградского, Ленинского и Фрунзенского районов Москвы. По остальным районам работа велась не столь успешно¹⁹⁶.

В марте 1944 г. от имени Комиссии было направлено письмо в военно-исторический отдел Генштаба РККА с просьбой прислать изданный военными трехтомник «Оборона Москвы», чтобы использовать эти издания для завершения книги по обороне Москвы (как отмечалось в письме, «работа близится к концу»)¹⁹⁷. В апреле 1944 г. из Комиссии было отправлено письмо секретарю парткома Авиационного института Г.Н. Чиликиди с просьбой написать воспоминания о строительстве оборонительных сооружений под Москвой в октябре 1941 г.¹⁹⁸ В мае 1944 г. политотдел железнодорожных войск сообщил И.И. Минцу, что они пишут главу о роли железнодорожных войск в защите Москвы для книги «Оборона Москвы»¹⁹⁹. В июле 1944 г. Р.И. Голубева была направлена на ВАРЗ для сбора материалов об ополченцах завода, а также на фабрику Кожобъединения для сбора информации²⁰⁰. Эту работу она продолжила в ноябре 1944 г., опрашивая рабочих фабрики Гознак.

В основу одной из глав книги об обороне Москвы должны были лечь материалы сборника «Как мы слушали товарища Сталина», подготовленного Л.М. Зак на основании воспоминаний и стенограмм бесед от 6—7 ноября

¹⁹⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

¹⁹⁷ Там же. Д. 25. Л. 31.

¹⁹⁸ Там же. Л. 37.

¹⁹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰⁰ Там же. Л. 74, 78, 95.

1941 г. (в тот день на станции метро «Маяковская» состоялось торжественное заседание, посвященное годовщине Октябрьской революции, а также знаменитый парад войск на Красной площади, на котором якобы выступал Сталин; на самом деле текст его выступления передавали по радио). Л.М. Зак вспоминала, что она и другие молодые сотрудницы Комиссии обратились к Минцу с предложением сделать такую книгу. Он не возражал и подписал сотни писем, «которые были направлены во все части фронтов, писателям, в Ленинград, партизанам. В письмах содержалась просьба дать сведения о том, как люди слушали Сталина и реагировали на его выступление. Генерал Рокоссовский в ответ на письмо Комиссии прислал целую телеграфную ленту с ответом». Зак утверждала, что ответы на письмо Комиссии пришли, т.к. во время войны «была очень высока роль морального фактора». В сборнике опубликовали пригласительный билет на торжественное заседание по случаю 7 ноября, которое проходило в вестибюле станции метро Маяковская²⁰¹. Сборник вышел в октябре 1942 г., рецензии на него были опубликованы во всех журналах²⁰².

Несмотря на богатство собранной источниковой базы, на подготовленные тексты и организационные усилия Минца, итоговый сборник по истории обороны Москвы так и не увидел свет. Отдельные главы этой книги разной степени готовности ныне хранятся в фонде Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН²⁰³.

Аналогичная судьба постигла и рукописи многих других книг, подготовленных сотрудниками Комиссии, о Московской битве и подразделениях, в ней участвовавших. И это несмотря на в целом благоприятные отзывы о рукописях и на то, что тексты прошли немало согласований. Например, один из авторов А.Л. Минаев получил благодарность от имени 22-й танковой бригады, историю которой он писал, — ее чтение в части вызвало одобрительную реакцию²⁰⁴. Текст Минаева прошел правку в соответствии с некоторыми замечаниями и уточнениями, полученными от комсостава танковой бригады. Он был готов к печати в ноябре 1942 г. и утвержден комбригом Ермаковым²⁰⁵. Комсостав брига-

²⁰¹ Аудиозапись.

²⁰² В конечном варианте: «Мы слышали Сталина. 6—7 ноября 1941 г.» / Сборник. М.: Госполитиздат. 1942 (Комиссия по истории Великой Отечественной войны).

²⁰³ См. рукопись Е. Шиловского к сборнику «Оборона Москвы (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IX. Оп. 38. Д. 1); А.Л. Сидоров. «Московское народное ополчение» (Там же. Д. 2а); А.Л. Сидоров. «Московское народное ополчение в боях за столицу» (Там же. Д. 2б); Н.С. Волков. «Москва под ударами с воздуха» (Там же. Д. 3); Г.Р. Геррес. «Эвакуация промышленности» (Там же. Д. 7); О.Н. Чаадаева. «Строительство оборонительных рубежей» (Там же. Оп. 21. Д. 22). Судя по сдаточной описи, были подготовлены и переданы на хранение в архив Комиссии, но в настоящее время в фонде Комиссии в НА ИРИ РАН отсутствуют следующие рукописи: А.Л. Минаев. «Оборона Москвы»; В.И. Шунков. «Рабочие батальоны». Нет также рукописи сборника «Москвичи на защите столицы». В документах упоминалось о работе над главами: «Речь товарища Сталина» (автор Л.М. Зак), «Военно-оперативные очерки [битвы]» (две главы, автор Е. Шиловский), «СССР в помощь Москве» (автор Э.Б. Генкина). Также, как видно из документов, велась работа над главами «Партизаны Московской области» (автор П.И. Белецкий) и «Первая гвардейская дивизия по обороне Москвы» (автор П.М. Федосов) — см. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

²⁰⁴ Там же. Д. 24. Л. 37.

²⁰⁵ Там же. Л. 84.

ды просил даже ускорить печатание книги, для чего направлялись соответствующие письма военному руководству и в Комиссию²⁰⁶. Однако по состоянию на март 1943 г. книга по-прежнему находилась в стадии верстки в издательстве²⁰⁷.

В чем же заключалась основная проблема? Рукописи по истории Великой Отечественной войны во многом повторили судьбу рукописей по истории фабрик и заводов 1930-х годов. И в том и в другом случае политическая цензура опасалась, что негативная информация станет достоянием гласности, и по принципу «как бы чего не вышло» стремилась перестраховаться, под разными предлогами до бесконечности затягивая издание книг. Условия военного времени, связанные с ужесточением цензурных установок и усилением режима секретности, усугубляли ситуацию. В итоге количество подготовленных к изданию рукописей заметно превышало количество опубликованных. Но главным богатством для исторической науки и современного российского общества, заинтересованного в сохранении памяти о войне, стали даже не рукописи (от них в военных условиях трудно было ожидать строгой научности, они должны были нести в первую очередь пропагандистский заряд, воспитывать патриотизм и ненависть к врагу), а первичный документальный материал, на основе которого они готовились.

Для выпуска в свет любых изданий, подготовленных Комиссией Минца, включая историю обороны Москвы и истории воинских частей, помимо обычной цензуры, требовалось решение руководства ГлавПУРа РККА (Щербаков) и Отдела агитации и пропаганды ЦК партии (Александров)²⁰⁸. Об этом сложившемся порядке 26 мая 1943 г. Минц писал одному из военачальников, с помощью которого пытался добиться положительного решения вопроса об издании рукописей²⁰⁹. Если тексты по истории воинских частей писались там своими силами (роль Комиссии ограничивалась методическим сопровождением и консультированием работы), то и в этом случае тексты все равно сначала направлялись на научную экспертизу в Комиссию. Только после ее одобрения они вместе с рецензией передавались в ГлавПУР РККА, который должен был санкционировать публикацию²¹⁰.

Во время войны были засекречены даже такие важные для историка сведения, как последний рубеж обороны Москвы в 1941 г. В связи с этим обратим внимание на одну необычную инициативу И.И. Минца, связанную с сохранением памяти о Битве под Москвой, — его предложение посадить на том рубеже, где были остановлены фашисты, мемориальную березовую аллею силами самих москвичей. 8 июля 1944 г. Минц писал по этому поводу председателю Моссовета: «Уважаемый товарищ! Комиссия по составлению хроники обороны Москвы заканчивает сбор материалов и составление книги по обороне Москвы. По ходу работы мы сталкиваемся с необходимостью определить границу, до которой немцы до-

²⁰⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 109.

²⁰⁷ Там же. Л. 211. По нашим данным, книга так и не была издана.

²⁰⁸ Там же. Л. 221.

²⁰⁹ Там же. Л. 288.

²¹⁰ Там же. Л. 288—288 об.

шли под Москвой. Увы! Это оказалось нелегко: документов не так уж много, да и свидетелей многих уже нет в живых. А между тем будущие поколения, несомненно, захотят знать, с какого места начался разгром немцев под Москвой.

Так как сейчас не время отмечать эту линию каким-нибудь дорогостоящими сооружениями, то я позволяю себе предложить следующее: посадить березовую аллею вдоль той линии, где находился передний край нашей обороны под Москвой. Это — недорого, а вместе с тем неплохо отметит линию. К посадке березовой аллеи можно было бы привлечь трудящихся соответствующих районов Московской области <...>²¹¹. Как и многие другие инициативы И.И. Минца, эта, к сожалению, осталась нереализованной.

Битва за Москву была, конечно, не единственным проектом Комиссии. В своем докладе «Отечественная война советского народа и задачи общественных наук» на упоминавшемся выше (в связи с выступлением там же Минца) Общем собрании АН СССР в Свердловске в мае 1942 г. руководитель Агитпропа ЦК партии Г.Ф. Александров отмечал: «...Одной из весьма важных задач исторической науки на ближайший период развития является собирание материалов по истории Великой Отечественной войны, подготовка и издание работ по истории и обороне Москвы, Ленинграда, Тулы, Одессы, Ростова, Севастополя и др. городов; составление истории освобождения ряда советских городов, ибо от немцев Красной Армией освобождено свыше 50 крупных городов <...>»²¹².

Эти партийные установки совпадали с интересами Комиссии, которая приступила к изучению основных боевых операций. В мае 1942 г. сотрудник Комиссии батальонный комиссар и литератор М.Б. Колосов, имевший опыт работы по ИФЗ 1930-х гг., приступил к работе по истории 176-й стрелковой дивизии (вместе с «местными работниками» дивизии) и других частей 9-й армии. Одновременно он при содействии Военно-исторического отдела Генштаба (тот обеспечивал освещение вопросов военной стратегии) «собирал материалы и часть опубликовал по истории одной из дивизий южного фронта и работал над ростовской операцией»²¹³.

В сентябре 1942 г. Минц обратился в Политуправление Сталинградского фронта с просьбой оказать содействие Колосову, дать ему возможность собирать материалы о Героях Советского Союза, а также писать по истории гвардейских частей фронта²¹⁴. М.Б. Колосов вместе с будущим советским руководителем, а во время войны — политработником Л.И. Брежневым побывал на Малой Земле. Есть основания полагать, что во время войны с Брежневым познакомился и Минц²¹⁵.

²¹¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 25. Л. 61.

²¹² АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 132.

²¹³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 3, 26, 35. Колосов оказался единственным литератором — непосредственным участником Ростовской операции. По итогам этой командировки он написал книгу «Люди и подвиги. Очерки и рассказы» (М., 1942).

²¹⁴ Там же. Д. 24. Л. 1, 92.

²¹⁵ <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer3/Ejlman1.php>. По свидетельству историка А.П. Ненарокова, именно по решению Брежнева в 1968 г. Минц был награжден орденом Ленина (сообщено Й. Хелльбеком).

Среди других объектов Комиссии — освещение сражений за Крым и участие в них Военно-морского флота. В июле 1942 г. сотрудник Комиссии историк М.Г. Седов работал над сборником «Оборона Севастополя», который планировал закончить к 1 сентября. «Для выполнения порученной работы по сборнику тов. Седов М.Г. должен выехать в действующий Черноморский флот. Работу нужно делать по живым следам: искать *активных участников* обороны, записать их рассказы, собрать документы, которые могут в противном случае затеряться»²¹⁶, — отмечалось в одном из документов Комиссии.

В сентябре 1942 г. велась также работа над книгой об обороне Одессы. В своем письме в Политуправление ВМФ на имя армейского комиссара Рогова от 17 сентября 1942 г. Минц отмечал: «...Мы готовим книгу об обороне Одессы. Работа эта заканчивается. Если Вы найдете возможным, кроме тов. Фазина, прикомандировать к нам еще одного-двух товарищей, то мы можем приступить к организации истории гвардейских экипажей, а также начать работы над историей обороны Севастополя»²¹⁷. В январе 1943 г. З. Фазин, продолжая усилия сотрудника Комиссии М.Г. Седова, приступил к работе над книгой об обороне Севастополя в 1941–1942 гг.²¹⁸

В первой половине 1942 г. в рамках деятельности Комиссии были написаны и изданы четыре книги о подводных лодках Северного флота, а также первый выпуск издания о моряках-героях «Герои Советского Союза ВМФ». На военных кораблях по просьбе Комиссии тоже развернулась работа по сбору материалов и написанию текстов. Работу историков на флоте заметно упрощало то обстоятельство, что на кораблях велись журналы, в которых тщательно фиксировались события и происшествия во время походов и боевых операций²¹⁹. Успех работы Комиссии на флоте определялся еще и личностным фактором — там за эту работу отвечал армейский комиссар ВМФ Иван Васильевич Рогов, в лице которого Минц встретил союзника, понимавшего значение исторических начинаний для сохранения памяти о войне.

В письме к Рогову от 14 апреля 1943 г. Минц сообщал о ходе подготовки очерка об обороне Одессы: «Готов военно-оперативный очерк обороны Одессы, составленный полковником Борисовым. В основном готов очерк о жизни и деятельности одесских большевиков и населения города во время обороны Одессы. Разумеется, мы собрали материал и об участии в обороне военно-морского флота. Но боюсь, что наш рассказ о действиях ВМФ будет недо-

²¹⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 226.

²¹⁷ Там же. Д. 22. Л. 52. Упомянутый Фазин (настоящее имя З.И. Факторович) — до войны писатель, один из авторов ИГВ. Во время войны — политрук, служил старшим инструктором журнала ВМФ «Агитатор». Минц так характеризовал его: «Тов. Факторович — писатель. По материалам истории Гражданской войны он написал две хорошие книги: о Серго Орджоникидзе — «Чрезвычайный комиссар» и об обороне Астрахани под руководством Кирова в 1919 г. — «Крепость на Волге». Тов. Фазин проявил научно-исследовательский подход к работе. Это сочетание историка и писателя делает его очень полезным для работы над книгой о Героях Советского Союза — моряках, которая намечена нами к изданию».

²¹⁸ Там же. Л. 87.

²¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 8.

статочно компетентен». Далее он просил Рогова найти специалиста, который мог бы исправить этот недостаток. Книгу предполагалось издать к годовщине боев за Одессу²²⁰.

В 1943 г. в составе Комиссии действовала особая **военно-морская группа**, в которую входили прикомандированные к ней историки флота Н.П. Мазунин, Ф.С. Криницын, В.А. Дивин. В их задачу в то время входил сбор материалов о роли Волжской военной флотилии в Сталинградской битве. В итоге на эту тему Мазунин затем защитил кандидатскую диссертацию²²¹. Приоритетными историческими сюжетами считались действия Черноморского, Балтийского и Северного флотов во время войны, о чем собирался материал и готовились сборники. Любопытно, что в них не были забыты и славные дореволюционные традиции моряков. В частности, освещались такие сюжеты, как «Участие русского флота в Семилетней войне»; «Русские матросы»; «Гвардия русского флота»²²².

Комиссия не оставила без внимания и конницу. В январе 1943 г. было решено заняться работой по истории наиболее отличившихся конных частей Красной армии, в частности гвардейского конного корпуса генерала П.А. Белова. Для сбора материалов к конникам выехали историк А.Л. Сидоров и стенографистка А.А. Бондаренко²²³.

В феврале 1943 г. Минц докладывал руководителю Агитпропа ЦК партии Александрову о том, что майор А.В. Пясковский (профессор, член ВКП(б) с 1918 г., до войны — сотрудник Института истории АН СССР) собрал исключительно ценный материал об оккупации немцами Калуги. Александров дал разрешение на написание соответствующей работы, для чего Пясковский был прикомандирован к Комиссии. Для сбора дополнительного материала он был направлен в район Калуги, о чем Минц испросил разрешения у начальника ПУРа Западного фронта генерал-майора Макарова²²⁴.

С конца декабря 1942 г. — начала января 1943 г. одним из главных проектов Комиссии стала история Сталинградской битвы. Материал собирался по горячим следам событий. 13 февраля 1943 г. Минц обратился к И.В. Шикину с просьбой разрешить командировать в Сталинград для сбора материалов группу сотрудников Комиссии во главе с Э.Б. Генкиной, которая одновременно ехала в Сталинград в качестве лектора по линии ЦК ВКП(б). В эту группу от Комиссии входили: старший лейтенант Л.М. Зак, капитан П.И. Белецкий, стенографистка О.А. Рослякова. По предложению Минца, все они могли быть одновременно использованы для проведения агитационно-пропагандистской работы в частях. Вопрос о посылке группы был согласован с Александровым²²⁵. 18 февраля 1943 г. Минц писал начальнику политуправления фронта

²²⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 117—117 об.

²²¹ Там же. Л. 149.

²²² Там же. Д. 6. Л. 1.

²²³ Там же. Д. 22. Л. 88.

²²⁴ Там же. Л. 100, 114.

²²⁵ Там же. Л. 101.

генерал-майору Чекалину²²⁶: «В январе сего года в частях Вашего фронта работала наша бригада по сбору материалов о героической обороне Сталинграда. По возвращении бригады я доложил о результатах ее работы начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) тов. Александрову, который предложил продолжить эту работу. Направляю к Вам научных сотрудников — д.и.н. профессора Генкину Э.Б., научного сотрудника капитана Белецкого П.И., прикомандированного Резервом ГлавПУ РККА, и стенографистку (засекреченную) Рослякову О.А. для продолжения собирания материалов в воинских частях, оборонявших Сталинград. Позволю себе поблагодарить Вас за прием и помощь в работе первой бригаде»²²⁷.

В феврале 1943 г. на экспертизу в Комиссию поступила рукопись начальника отдела пропаганды 62-й армии майора Ступова «62-я армия в боях за Сталинград». В своей рецензии сотрудник Комиссии А.А. Белкин положительно оценил текст, но предложил доработать его: убрать повторы, усилить военно-оперативный материал, четче описать операции армии, переделать некоторые очерки о боевых частях, входивших в состав армии, добавить больше конкретного материала. Минц рекомендовал после доработки издать рукопись²²⁸. Вскоре эта работа в 13 печатных листов, в «доводке» которой участвовали сотрудники Комиссии Генкина и Белкин, была сдана в печать²²⁹. Была издана и авторская книга Генкиной «Героический Сталинград».

В августе 1943 г. Минц предложил начальнику Военно-исторического отдела Генштаба РККА генерал-майору Таленскому совместно с Комиссией подготовить книгу «Оборона Сталинграда» по типу «Обороны Москвы». «От нашей Комиссии мы выделяем для работы над книгой и ее отдельными главами проф. Генкину Э.Б. По договоренности с ПУРОм считаем необходимым привлечь к работе полковника Тельпуховского, собравшего большой материал и уже давно работающего над темой «Оборона Сталинграда». Просим Вас со своей стороны выделить в качестве автора военно-оперативного очерка о Сталинграде кого-либо из работников военно-исторического отдела Генштаба»²³⁰, — писал Минц. В декабре 1943 г. он обратился в Отдел по изучению опыта войны Генштаба РККА с просьбой предоставить один экземпляр выпущенной военными книги о Сталинградской битве²³¹.

Помимо перечисленных выше, в 1943 г. сотрудниками Комиссии велась также работа над историями следующих воинских частей:

- 1-я гвардейская танковая бригада (срок завершения работы — конец февраля 1943 г., ответственный Белкин);

²²⁶ Чекалин был начальником Отдела пропаганды Политуправления Сталинградского фронта. Начальником Политуправления фронта был генерал-майор П.И. Доронин. // <http://landirk.com/archives/40>.

²²⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 207.

²²⁸ Там же. Д. 22. Л. 110–112.

²²⁹ Авторы Ступов А.Д., Кокунов В.Л. 2-е изд. М., 1952.

²³⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 135.

²³¹ Там же. Л. 146.

- народное ополчение Киевского района Москвы в боях за столицу (к середине марта 1943 г., ответственный Сидоров);
- 12-й гвардейский истребительный авиаполк (выход в свет к 1 апреля 1943 г., ответственный Волков). Здесь уместно сказать, что Е.М. Грицевская, Л.М. Зак и М.Д. Розанова, готовя в более ранний период упомянутый выше «Очерк боевой истории 12-го гвардейского истребительного авиаполка», брали интервью у летчиков, которые к 1943 г. практически все погибли. Этот материал был тоже использован Волковым. Пример истории 12-го авиаполка показателен и в том смысле, что одновременно с научной работой и на базе собранных материалов сотрудники Комиссии вели активную пропагандистскую деятельность — читали лекции, выступали с беседами перед воинами, печатались в полковых газетах. В данном случае Л.М. Зак опубликовала статью о значении боевого опыта 12-го авиаполка²³²;
- 110-я стрелковая дивизия (срок — начало мая 1943 г., ответственный Сидоров);
- 130-я стрелковая дивизия (срок — начало мая 1943 г., ответственный Шунков);
- 1-я гвардейская мотострелковая московская дивизия (срок — к началу марта 1943 г., ответственный Федосов);
- 1-я гвардейская стрелковая дивизия (срок — к середине апреля 1943 г., ответственный Юмашев);
- Н-ский танковый корпус (не указано);
- 1-й гвардейский мотоциклетный полк (срок — к началу февраля 1943 г., ответственный Федосов);
- герои Н-ской дивизии авиации дальнего действия (срок — к середине февраля 1943 г., ответственные Сидоров, Минаев и Грицевская);
- 22-я танковая бригада (к 23 февраля 1943 г., ответственный Минаев);
- 53-я Краснознаменная гвардейская дивизия, бывшая 3-я Коммунистическая дивизия народного ополчения;
- 136-я стрелковая бригада (отв. политрук Елкин Федор Михайлович);
- переделка книги о боевом пути 60-й армии «От Дона до Сейма» (отв. майор Федосов П.М.);
- Н-ская армия Брянского фронта (отв. Белкин и Белецкий);
- 1-й гвардейский Донской танковый корпус (отв. Белкин и Белецкий);
- дополнение и исправление книги «Боевой путь», написанной политотделом 1-го гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса (ответственный за литературную обработку — писатель Л. Никулин).

В ходе работы в 1943 г. сотрудники Комиссии, как и в 1942 г., регулярно выезжали в командировки: на Северный и Черноморский флоты, в Волжскую флотилию, на Донской и Воронежский фронты, в Сталинград, Казань и Тулу.

²³² Встреча... С. 318; Аудиозапись.

Эти поездки историков, литераторов, стенографисток в действующую армию были связаны с риском для жизни. Поскольку смену оперативной ситуации предсказать было невозможно, порой они оказывались в боевой обстановке — на передовой, под бомбежкой или артобстрелом. Тем не менее, не было случая, чтобы они возвращались без материалов.

В 1943 г. были собраны источники по истории воинских частей для книг «Оборона Севастополя» (Фазин), «Оборона Одессы», «Герои авиации дальнего действия» (Сидоров и Грицевская), «История 1-й гвардейской авиадивизии дальнего действия» (Осипов), «2-й гвардейский артиллерийский полк» (Белецкий), «53-я гвардейская дивизия». «Сверх плана» были собраны материалы по Сталинградской операции (126 стенограмм)²³³, по Орловской (43 стенограммы), по 3-й истребительной авиационной дивизии, по дивизии народного ополчения Дзержинского района, о деятельности Военной академии им. Фрунзе и Военного училища им. Верховного Совета в обороне Москвы, по 864-му зенитному полку, 276-му гвардейскому артполку, 67-му гвардейскому артполку, 79-й гвардейской стрелковой дивизии, 308-й стрелковой дивизии, 42-му Краснознаменному инженерному батальону — в общей сложности 517 стенограмм объемом более 7 тыс. печатных листов.

Книга Лифшица «1-я гвардейская танковая бригада» была доведена до верстки, книга Зак «12-й гвардейский истребительный авиаполк» подготовлена к печати, книга Минаева «22-я танковая бригада» доведена до верстки, книга Федосова «1-я гвардейская мотострелковая дивизия» подготовлена к печати, книга Федосова и Жарковского «1-й гвардейский мотоциклетный полк» подготовлена к печати, книга Федосова, Маркуса и Кронрода «Народное ополчение Киевского района» подготовлена к печати, книга Голубевой «Латышская дивизия» подготовлена к печати²³⁴.

25 января 1944 г. Минц обратился к начальнику ПУР Белорусского фронта генерал-майору Галаджеву: «Комиссия по составлению хроники Великой Отечественной войны обращается к Вам со следующей просьбой. В течение 1943 года Комиссией собран очень большой материал об истории Сталинградской битвы (стенограммы бесед с командующими армиями, командирами дивизий, полков, младшими командирами, бойцами и т.д.). Но сотрудники, ездившие по поручению Комиссии в Сталинград для собирания материалов, никого из работников Донского фронта там уже не застали. Поэтому в собранных материалах у нас большой пробел, который необходимо восполнить. Пользуясь тем, что у Вас на фронте работает капитан тов. Зак, которая раньше являлась сотрудником Комиссии, знает, что нам нужно, и получила от нас указания, — убедительно просим Вас оказать помощь капитану тов. Зак по собиранию материалов, связанных с историей Сталинградской

²³³ Э.Б. Генкина, которая официально возглавляла Отдел национальных республик, работала в Сталинграде с 20 января по 18 февраля 1943 г., затем на Южном фронте с 22 июня по начало июля 1943 г.

²³⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

битвы. Особенно желательно застенографировать воспоминания генерала армии тов. Рокоссовского, Вас, тов. Галаджев, участников передачи ультиматума Паулюсу и работников армии, воспоминания которых, по Вашему усмотрению, представляют особый интерес для истории Сталинградской битвы. Все собранные по нашему заданию капитаном Зак материалы с Вашего согласия будут переправлены в Москву Комиссии»²³⁵.

В 1944 г. продолжался сбор материалов по Орловской, Харьковской и Киевской операциям «путем связи с воинскими частями и записи участников»²³⁶. В первом полугодии 1944 г. Генкина, Грицевская и стенографистка Бондаренко ездили на 4-й Украинский фронт (Мелитополь). В отчете о поездке отмечалось: «Собран большой и ценный материал по операциям фронта по освобождению Мелитополя, прорыву обороны фашистов на р. Молочной и продвижению наших войск к Сивашу и Перекопу. Одновременно было записано одно авиационное соединение. Поездка прошла весьма удачно. Всего записано 78 человек. Расшифровка и проверка материала закончены». Федосов и стенографистка Крауз, как упоминалось выше, ездили на 1-й Украинский фронт в г. Киев. Ими было записано 70 человек по 60-й армии, 60 человек по гвардейскому танковому корпусу и 11 жителей г. Тарнополя. Майор Федосов, Еловцан и стенографистка Рослякова ездили в Смоленск. Здесь ими был собран ценный материал о немецком оккупационном режиме и о партизанском движении. Застенографированы рассказы 40 человек, в том числе беседа с секретарем обкома партии. Анпилогов со стенографисткой из Академии наук был послан в 60-ю стрелковую дивизию (бывшая дивизия народного ополчения Ленинского района Москвы), ими записаны рассказы около 40 человек. Капитан Фазин, капитан Белецкий, а также сотрудница Трусова и стенографистка Шамшина находились в командировке в Крыму — в Севастополе, Керчи и на 4-м Украинском фронте. Вместе с партизанами во время командировки ими было записано до 80 человек.

Кроме стенограмм бесед с очевидцами и участниками событий, а также других материалов, собранных сотрудниками во время командировок, Военный отдел Комиссии получил значительный материал с мест — от воинских частей и отдельных лиц (карты, дневники, записки, очерки по истории отдельных соединений). Наиболее ценные материалы в 1944 г. были получены от командиров 129-й с.д. и 79-й гв. с.д. Ими присланы карты, боевые донесения о боях в районе Орла — Белгорода, политдонесения и др. Очень ценный материал был получен от капитана Ковалевского по Новороссийской операции²³⁷.

С учетом размаха работы и значительного количества объектов и тем, над которыми работала Комиссия, в конце 1944 г. было признано, что количество командировок сотрудников на места недостаточно, и их требуется увеличить. В отчете о работе Военного отдела Комиссии за 1944 г. отмечалось: «Первое и

²³⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 25. Л. 11—11 об.

²³⁶ Там же. Д. 37. Л. 30.

²³⁷ Там же. Д. 38. Л. 68—68 об.

интересное в работе по истории воинских частей [заключается] в том, что работе отдела стали активно помогать сами воинские части, соединения и военные организации. Большую и интересную работу провел НКВД. Благодаря контакту отдела с работниками этого Наркомата — майором Ковалевским и капитаном Гаврюшкиной, получены ценные документальные материалы и написаны две работы — одна о роли полка НКВД в освобождении Новороссийска, другая — по истории 23-й дивизии железнодорожных войск в начальный период войны. <...> т. Маркус сделал очерк боевых операций одного из фронтов после Сталинграда <...> Ценный оперативный материал Комиссия приобрела в связи с получением рукописи майора т. Ацаркина о Новгород-Луцкой операции. И в планах следующего года — отдел должен всячески укреплять связь с военными организациями, помогать им советом, расценивать их работы, больше выезжать на места. <...> В связи с очищением территории Союза от врага в работе отдела возникли трудности. Поездки на фронт становятся более длительными и требуют квалифицированных сотрудников. Между тем количество сотрудников отдела сократилось до четырех человек»²³⁸.

На основе собранных материалов Федосов работал по теме «Битва за Киев и боевой путь Н-ского соединения»²³⁹. Составлялись истории Харьковской и Мелитопольской операций, готовился сборник о форсировании Днепра. В планах отдела было обсуждение работы Голубевой о Латышской стрелковой дивизии и Минаева о Дзержинской дивизии. В апреле 1944 г. был утвержден план сборника «Женщины в Великой Отечественной войне» (в виде сборника стенограмм, для чего к 1 мая следовало «записать 25—30 активных участниц боевых операций»), над которым работали Голубева и Грицевская. Шрейбер должна была собирать автобиографический материал (рассказы родственников, переписка, фотоматериалы, рассказы командиров соединений, офицеров, младшего комсостава и рядовых бойцов) о маршалах и генералах армий всех родов войск²⁴⁰. Капитан Ф. Криницын в 1944 г. работал над составлением истории Ладожской военной флотилии в период блокады Ленинграда²⁴¹.

В 1945 г. основной задачей Военного отдела Комиссии стал сбор материалов по Восточно-Прусской операции и взятию Кенигсберга, также продолжались работы по всем перечисленным выше объектам.

Таким образом, в ходе работы Военного отдела в Комиссии откладывались архивы воинских частей и военных операций. Только в 1942—1943 гг. сотрудники Комиссии участвовали в написании около 125 историй воинских частей²⁴².

²³⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 118 об. — 119.

²³⁹ Там же. Д. 37. Л. 30, 38.

²⁴⁰ Там же. Л. 46.

²⁴¹ Там же. Д. 38. Л. 82.

²⁴² Их анализ см. в статье Архангородской И.С. и Курносова А.А. «Истории воинских частей» в фонде Комиссии по истории Отечественной войны АН СССР // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 174—181. По мнению авторов этой статьи, истории воинских частей создавались в первую очередь с практическими целями — для политико-воспитательной работы или обобщения военного опыта, а научные задачи при написании рукописей отходили на второй план.

Впоследствии материал, собранный Военным отделом, был систематизирован архивистами и составил в современном фонде Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН два раздела: I — «История воинских частей» и III — «Оборона городов».

Во время командировок сотрудникам Комиссии давалось задание параллельно собирать материалы о **Героях Советского Союза**, служивших в этих частях. Со временем документирование подвигов и сбор материалов о Героях Советского Союза превратились в одно из основных направлений работы Комиссии. На упомянутом выше Общем собрании АН СССР в мае 1942 г. Минц так говорил об этом: «Страна должна знать своих героев. В нашу задачу входит, помимо опубликования списков Героев Советского Союза, находить и ознакомиться с их деятельностью на месте, поговорить с их товарищами, съездить, может быть, в район, откуда они родом, если это мыслимо, и в конечном итоге издать несколько книг. Пусть их будет немного, они будут выходить по мере нахождения материала. Тут могут найти себе применение не только работники комиссии, но работники всех наших академических учреждений, разбросанных по другим районам — на Волге, Западной Сибири, в Средней Азии. Здесь мы, несомненно, найдем <...> (пропуск в документе) с литераторами, вместе с которыми <...> (пропуск в документе) приступили к изданию. Задача этой книги состоит в том, чтобы показать, что героями не рождаются, а героями становятся <...> Первый том, посвященный Героям Советского Союза, сейчас подготавливается, будет он построен по принципу, отражающему облик нашей страны, там будут показаны Герои Советского Союза различных народов нашего Союза: русские, украинцы, евреи, казахи, узбеки, грузины и т.д.»²⁴³.

27 июля 1942 г. Минц обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой помочь в розыске героев, дать возможность сотрудникам Комиссии присутствовать при вручении высших наград в Кремле для того, чтобы сразу после награждения взять у них интервью и установить контакт. В письме Минц, в частности, отмечал: «Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Президиуме Академии наук СССР одной из своих задач ставит соби́рание исчерпывающих материалов о Героях Советского Союза и в дальнейшем издания работ, характеризующих их жизнь и боевую деятельность. Кроме документов и формальных сведений, Комиссия собирает рассказы о Героях, их личные воспоминания и т.п.

Поэтому Комиссии крайне важно установить с Героями Советского Союза непосредственную связь. Однако встречи с ними в условиях кратковременного пребывания их в Москве, даже розыски их очень затруднены.

Комиссия стремится использовать приезд Героев Советского Союза в Москву для получения наград в Президиуме Верховного Совета СССР и поэто-

Именно поэтому из 125 «историй» половина событийно доведена только до 1942 г.; четверть — до 1943 г., примерно по 10% завершаются в 1941 или 1944—1945 гг. Только в трех рукописях отражены события почти за всю войну. Слабо по сравнению со Сталинградской в материалах Комиссии оказалась отражена Курская битва.

²⁴³ АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 200—201, 204.

му обращается к Вам с просьбой разрешить научным сотрудникам Комиссии присутствовать при вручении наград Героям Советского Союза в Президиуме Верховного Совета СССР с тем, чтобы установить с ними личную связь и организовать запись их рассказов. Просим дать распоряжение Отделу по учету и регистрации награжденных давать нашему научному сотруднику сведения о времени вручения наград. Комиссия гарантирует секретность хранения получаемых материалов и обязуется не использовать их без Вашего ведома»²⁴⁴.

Кроме этого, в ходе установления информации о героях Комиссия обращалась в наградной отдел НКО, в воинские части, госпитали, издательства и др.

В готовившемся Комиссией первом томе издания «Герои Советского Союза» должно было быть 30–40 популярных очерков о героях. За достоверность фактов биографий отвечали историки, литературной обработкой текстов занимались писатели. Иллюстрировать очерки должны были художники Бершадский, Лукомский, Жуков, Ермолаев, Щеглов, Верейский, Мальков, Савицкий, Соколов-Скаля, Шухмин, Кукрыниксы, Шмаинов²⁴⁵.

Сотрудница Комиссии Р.И. Кроль весной-осенью 1942 г. собирала для первого тома материалы о следующих героях войны: И.Н. Заболотный, Т.М. Фрунзе, И.П. Шумилов, И.Т. Любушкин, Г.Т. Невкипелый, В.В. Талалихин, Л.М. Доватор, Н.Ф. Гастелло, И.И. Фисанович, А.А. Дивочкин. Она же проводила литературную обработку материала. Кроме того, Р.И. Кроль должна была собирать сведения по другим намеченным 200 героям. Сроки стояли жесткие — предполагалось завершить работу к 7 ноября 1942 г. Сотрудник Комиссии Р.И. Голубева собирала сведения для того же многотомника по 207 героям, в том числе — для очерков о И.В. Панфилове и 28 героях-панфиловцах, о Л.С. Чапчахове, Я.В. Вилхелмсе, Л.Х. Папернике, Дурды Курбане²⁴⁶.

В результате сначала в рамках Военного отдела Комиссии был создана группа по изданию книги о Героях Советского Союза²⁴⁷, а в конце 1943 г. она была преобразована в самостоятельный **Отдел Героев Советского Союза**²⁴⁸. Сотрудник Комиссии Абрам Александрович Белкин — в мирное время филолог, специалист по творчеству Ф.М. Достоевского, возглавлял работу по героям в течение всей войны. Одновременно он выступал и в качестве рядового исполнителя. В 1942 г., к примеру, он собирал данные о Я.Г. Крейзере, А.К. Мери, А.И. Молодчем, Б.Ф. Сафонове, М.К. Байде, а также редактировал 1-й том издания. Он же получал контактные данные и материалы по героям из наградного отдела НКО и других ведомств²⁴⁹. В Отделе Героев Советского Союза в разное время работали: Р.И. Кроль, Л.Д. Петров, В.Л. Логинова, Л.К. Нечаева, А.Я. Грунт, М.В. Миско, Ковалевский (имя и отчество не установлены), Н.К. Стрелкова, Б.Л. Корфини, А.П. Серцова.

²⁴⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 25.

²⁴⁵ Там же. Л. 160.

²⁴⁶ Там же. Д. 6. Л. 3.

²⁴⁷ Там же. Л. 3.

²⁴⁸ Там же. Д. 38. Л. 3, 8.

²⁴⁹ Там же. Д. 6. Л. 14.

И.И. Минц так сформулировал принципы работы этого отдела:

- 1) Героями не рождаются, ими становятся.
- 2) Становление героя — результат советской социалистической системы.

3) Герой дает материал не только о типе человека, но и материал для изучения военного искусства в ходе Отечественной войны²⁵⁰.

При работе над биографиями героев выяснялось немало конфиденциальной информации, против публикации которой часто возражали родственники. От сотрудников Комиссии требовался особый такт. Вот конкретный пример. 25 августа 1942 г. между К.Е. Ворошиловым и И.И. Минцем состоялся долгий телефонный разговор, в котором обсуждался факт стенографирования сотрудниками Комиссии беседы с бывшей учительницей Героя Советского Союза (награжден посмертно) 19-летнего летчика Тимура Михайловича Фрунзе (1923—1942). После смерти отца — героя Гражданской войны М.В. Фрунзе Тимур воспитывался в семье Ворошилова. Последний был возмущен, что сотрудники Комиссии не обратились за сведениями о молодом герое в первую очередь к его сестре Татьяне или в семью Ворошилова. Маршал стал выяснять у Минца, зачем нужны эти сведения. Тот признал правоту Ворошилова и подробно рассказал о задачах сборника. «В первом томе у нас, наряду с крупными людьми, такими, как Панфилов, Доватор, будет помещена и молодежь, нами созданная. Среди них люди разного воспитания. Хочется показать и такого мальчишка, который рос в семье, полной больших традиций», — подчеркнул Минц. Он рассказал Ворошилову, что при подготовке очерка о Тимуре Фрунзе удалось разыскать даже его одноклассников и друзей, в частности, Владимира Ярославского — тоже летчика, сына известного большевика Емельяна Ярославского. К.М. Ворошилов изменил тон разговора и сам предложил не только рассказать о Тимуре, но и показать его дневники, фотографии. Минц с благодарностью согласился, оставив в книжке запись: «Опять придется сказать Белкину, что каждый шаг нужно трижды обдумать, прежде чем делать, а то может здорово подвести»²⁵¹. 26 августа 1942 г. Минц побывал в Кремле и лично взял интервью у Ворошилова о его приемном сыне. Во время беседы присутствовал их общий знакомый Григорий Иванович Лецкий — участник Гражданской и Отечественной войн²⁵².

Родные и близкие героев, если их удавалось установить, были и в других случаях важнейшим источником информации. Так, Е.М. Грицевская записала воспоминания жены Б.А. Кротова, а М.Г. Седов брал интервью у жены Н.П. Городничева²⁵³. Привлекались, конечно, и анкеты и награжденные материалы, однако сотрудники Комиссии старались писать неформальную биографию, выяснить черты характера, истоки геройского поступка.

²⁵⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Дело 15. Л. 25.

²⁵¹ Минц И.И. Из памяти... С. 68—69. Ворошилов был возмущен тем, что расспрашивали учительницу немецкого языка — немку по происхождению.

²⁵² Минц И.И. Из памяти... С. 69—70.

²⁵³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 194.

В октябре 1942 г. началась обработка собранных материалов для составления теперь уже двухтомника «Герои Советского Союза». При этом была поставлена новая задача: представить героев многих национальностей и разных родов войск. В итоге были выбраны очерки о следующих героях: Мери (эстонец — пехота), Панфилов (русский — пехота), Здоровцев (русский — авиация), Харитонов (русский — авиация), Жуков (русский — авиация), Оплеснин (коми — пехота), Фаткулин (татарин — авиация), Талалихин (белорус — авиация), Крейзер (еврей — пехота), Мамедов (азербайджанец — пехота), Гастелло (белорус — авиация), Доватор (белорус — кавалерия), Чапчахов (армянин — авиация), Шумилов (русский — авиация), Заболотный (украинец — авиация), Молодчий (украинец — авиация), Дивочкин (русский — артиллерия), Тикиляйнен (финн — пехота), Адамий (абхазец — морской флот), Байда (украинка — пехота), Щипун (украинец — танкист) и другие. В списке значились и 28 панфиловцев, представлявших разные национальности, включая казахов²⁵⁴. В обработке материалов намечалось участие писателей Ольги Форш, Переца Маркиша, Эно Рауда (эстонский детский писатель, должен был писать о Мери). Очерк о В. Григорьеве был поручен писателю М.Н. Платошкину²⁵⁵. Вступительная статья к двухтомнику о героях называлась «Красная армия — армия дружбы и братства народов»²⁵⁶. Работу планировалось закончить к 15 ноября 1942 г. Некоторые очерки были уже опубликованы в разных изданиях, их следовало переработать²⁵⁷.

В ходе работы над очерками о героях их авторы широко использовали стенограммы интервью с выжившими героями, родными и знакомыми их персонажей. После окончания работы писатели должны были вернуть эти материалы «в секретный архив» Комиссии²⁵⁸. Однако многие стенограммы бесед представляли собой столь яркий документ или раскрывали столь интересный сюжет, что литераторы с трудом расставались с этим сокровищем. Иногда они без ведома Комиссии использовали их «в личных целях». Так, 12 мая 1943 г. А.А. Белкин настоятельно напоминал писателю В.В. Иванову о том, что нужно вернуть взятые в Комиссии в январе того же года две стенограммы беседы с Героем Советского Союза Г.И. Игнашкиным. «Эти материалы, данные Вам для работы над очерком для Комиссии, были уже Вами использованы, очевидно, для очерка в «Известиях», а нам они сейчас крайне необходимы»²⁵⁹, — отмечал Белкин.

Иногда готовые очерки отправлялись на редакцию самим героям²⁶⁰. У них же по возможности собирались и основные биографические сведения. Например, в письме к генерал-майору Я.Г. Крейзеру от 25 июля 1942 г. сотрудни-

²⁵⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

²⁵⁵ Там же. Д. 23. Л. 350. *Платошкин М.Н.* (1904–1958) — писатель, до войны учился в Литературном институте, писал о новом быте, а также о советском производстве. Участник Великой Отечественной войны.

²⁵⁶ Там же. Д. 15. Л. 1–2, 6.

²⁵⁷ Там же. Лист без пагинации (между листами 5 и 6).

²⁵⁸ Там же. Д. 26. Л. 153.

²⁵⁹ Там же. Л. 168.

²⁶⁰ Там же. Л. 170.

ки Комиссии просили его прислать подробную автобиографию, а также фото, копии дневников и воспоминаний, адреса друзей и знакомых, которые могли бы рассказать о нем²⁶¹.

В сентябре 1942 г. Комиссия готовила к публикации отдельный сборник «Партизаны — Герои Советского Союза»²⁶².

При подготовке очерков в обязательном порядке собирался материал о личности героя. 9 марта 1942 г. руководство Комиссии направило письмо секретарю Пензенского обкома ВКП(б) с просьбой оказать содействие в сборе сведения об уроженце Пензы С.Г. Байкове. «Обращаемся к Вам с просьбой помочь нам в сборе материала о Вашем Герое-земляке. Нас интересуют биографические данные о нем, воспоминания родственников и знакомых. Желательно, чтобы воспоминания и рассказы были подробными и обстоятельными, чтобы можно было получить полное представление о характере тов. Байкова, о его жизненном пути»²⁶³, — отмечалось в письме.

Интересно также письмо, направленное 25 июля 1942 г. вдове легендарного комдива Панфилова М.И. Панфиловой: «Комиссия обращается к Вам с просьбой поделиться своими воспоминаниями о Вашем покойном муже — Герое Советского Союза генерал-майоре И.В. Панфилове. Нас интересует все, относящееся к памяти Ивана Васильевича, — черты его характера, его жизнь в быту, в семье, его высказывания и т.д. Хорошо, если бы и дети тов. Панфилова написали или продиктовали свои воспоминания об отце. Пишите подробнее, ничего из написанного не будет лишним». Комиссия также просила вдову героя прислать его фото, письма, копии личных документов Панфилова²⁶⁴. Аналогичные обращения направлялись родственникам Доватора и других героев. Если это было возможным, опрашивались все члены семьи.

В случае если выехать для опроса было трудно по причине нахождения вдали от Москвы, сотрудники Комиссии просили прислать воспоминания. Вот как они обращались по этому поводу к бывшей учительнице Тимура Фрунзе М.К. Станчик: «Комиссия обращается к Вам как к воспитательнице Тимура с просьбой написать о нем воспоминания. В воспоминаниях просим осветить психологический облик Тимура, описать его детские годы, его интересы, способности, поведение, высказывания, запомнившиеся Вам наиболее характерные эпизоды. Чем подробнее Вы напишете свои мемуары, тем это будет лучше. Очень просим Вас рассказать, не было ли у Тимура бесед с друзьями и соратниками [его отца] Михаила Васильевича, с кем именно, содержание бесед, как они переживались Тимуром...»²⁶⁵.

Кроме того, сведения о героях запрашивались в райкомах, в полковых газетах в Информбюро, сотрудники Комиссии изучали и копировали наград-

²⁶¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

²⁶² Там же. Л. 99.

²⁶³ Там же. Л. 15.

²⁶⁴ Там же. Л. 21.

²⁶⁵ Там же. Л. 34.

ные листы, старались собирать публикации о них²⁶⁶. Комиссия делала запросы в военкоматы с целью выявить адреса²⁶⁷. В 1942 г. Героев Советского Союза было еще не так много, и первоначально Комиссия ставила задачу собрать сведения обо всех награжденных Золотой Звездой²⁶⁸. Обращаясь к редактору газеты «Красный Черноморец» полковому комиссару С.С. Зенушкину, Минц 11 ноября 1942 г. писал: «Комиссия по истории Великой Отечественной войны собирает материал о жизни и деятельности Героев Советского Союза и одновременно готовит к печати 1-й том издания «Герои Советского Союза». Комиссия обращается к Вам с просьбой помочь в организации сбора указанного материала через сотрудников Вашей газеты, военкоров, писателей и других лиц, связанных с частями Черноморского флота». В этом же письме Минц сформулировал требования к писателям, которым поручалось написание очерков о героях: «а) Отсутствие вымысла; б) в очерке должен быть отражен жизненный путь Героя, показано, как он стал Героем; в) точно описаны его боевые подвиги»²⁶⁹.

В июне 1942 г. было решено поручить написание очерка о 28 героях-панфиловцах писательнице Ольге Форш, которая в то время находилась в эвакуации в Алма-Ате²⁷⁰. Ей была дана следующая инструкция: «Комиссия обращается к Вам с просьбой собрать материал о 28 героях путем стенографирования или личной записи родных и товарищей погибших героев. Комиссию интересуют следующие вопросы: биография героя, боевая деятельность, личные черты характера, отдельные боевые эпизоды. Желательно, чтобы эти данные нашли отражение в стенограммах или записях. Стенограммы должны быть исправлены и подписаны авторами воспоминаний...». Важно отметить, таким образом, что при написании очерков о героях господствовал научный — исторический подход, опора на проверенные факты, и не допускалось вымысла, являвшегося нормой в профессии журналиста или литератора.

Отдельным направлением работы Отдела героев стало стенографирование их рассказов. Беседа с выжившим героем считалась обязательной не только как главный источник информации для составления очерка, но и как важнейшая часть работы по сохранению исторической памяти о войне и ее участниках для будущих поколений. Иногда такие беседы длились по 5—6 часов²⁷¹. В некоторых случаях одной встречей дело не ограничивалось, и беседы продолжались в течение нескольких дней. На такие встречи приглашался художник, который тут же делал портретные зарисовки²⁷². Фотографированием героев занимался фотохудожник Г.М. Вайль²⁷³.

²⁶⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 105.

²⁶⁷ Там же. Л. 117.

²⁶⁸ Там же. Л. 115.

²⁶⁹ Там же. Л. 116 об.

²⁷⁰ Там же. Л. 24, 32.

²⁷¹ Там же. Л. 35.

²⁷² Там же. Л. 154.

²⁷³ Там же. Д. 22. Л. 140.

С 1943 г. в Комиссии стали разрабатываться формуляры на героев. Появилась и картотека героев, систематизированная по национальностям и родам войск²⁷⁴. Образец карточки был разослан в республиканские и региональные Комиссии по истории Великой Отечественной войны²⁷⁵, которые также начали вести картотеки героев-земляков. Например, Красноярская краевая Комиссия по составлению летописи событий Великой Отечественной войны сообщала в Москву, что в г. Красноярске и г. Абакане начали создавать «картотеки» Героев Советского Союза. По решению бюро Крайкома ВКП(б) на это было выделено 60 тыс. рублей²⁷⁶.

В марте 1943 г. по инициативе Военного совета Московского округа противовоздушной обороны и при участии Комиссии решено было подготовить историко-литературный сборник «Воздушная битва за Москву». Президиум Союза советских писателей выделил для этой работы бригаду из лучших литераторов, включая А. Толстого, И. Эренбурга, Л. Соболева, В. Кожевникова, Е. Кригера, Б. Лавренева, В. Шишкова, А. Фадеева, К. Федина. Большинство из них были уже знакомы с историческими начинаниями по участию в 1930-х гг. в проекте М. Горького «История фабрик и заводов». На сей раз при работе над сборником предполагалось осветить боевые подвиги летчиков-истребителей, Героев Советского Союза Титенкова, Катрич, Голубина, Заболотного, Григорьева, Митрофанова и других, а также работу бойцов, командно-политического и инженерно-технического состава по защите Москвы²⁷⁷. Этот и параллельная работа по другим проектам отвлекали сотрудников Комиссии от завершения работы над многотомником о героях. 18 февраля 1943 г. Минц предложил Воениздату включить его в издательский план на 1943 г.²⁷⁸ После долгого обсуждения в январе 1944 г. печатание книги было отложено на неопределенный срок²⁷⁹. Вместо этого для ГлавПУРа РККА были написаны 10 листовок о героях²⁸⁰. Кроме того, уже после войны, в 1948 г., на базе подготовленного в свое время Комиссией был опубликован отдельной брошюрой очерк о Герое Советского Союза Л.М. Доваторе.

Среди редких публикаций такого рода — изданная в военные годы стенограмма беседы со знаменитым героем-снайпером В.Г. Зайцевым, прославившимся во время Сталинградской битвы. Беседа с ним была проведена сотрудниками Комиссии в апреле и в августе 1943 г.²⁸¹ При сравнении оригинальной стенограммы его рассказа и опубликованного текста видно, что опублико-

²⁷⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.

²⁷⁵ О них см. ниже.

²⁷⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 27. Л. 74.

²⁷⁷ Там же. Д. 22. Л. 104.

²⁷⁸ Там же. Д. 26. Л. 156.

²⁷⁹ Там же. Л. 272.

²⁸⁰ Там же. Д. 38. Л. 8.

²⁸¹ Там же. Раздел III. Оп. 5. Д. 4. Л. 17—28. Отредактированный текст интервью был опубликован в виде брошюры: Герой Советского Союза В.Г. Зайцев. Рассказ снайпера. Б.м.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943 г. / Ред. Герасимов Е.Н. К тексту дано пояснение: «Стенографическая запись беседы Героя Советского Союза комсомольца Василия Зайцева в Комиссии по истории Великой Отечественной войны». Подписано в печать 11 октября 1943 г.

ванный вариант был значительно сокращен и отредактирован — и не только стилистически. Во-первых, был искажен подлинный характер и темперамент Зайцева — весьма самолюбивого и знающего себе цену человека. Были также сглажены некоторые его критические замечания, касавшиеся довоенной службы. Кроме того, в самом конце публикации редакторами был добавлен большой отрывок идеологического плана, который Зайцев не произносил: «На улицах Сталинграда наши пропагандисты ставили так вопрос: «Хочешь жить — убей немца»; «Скажи, сколько ты убил немцев, а я скажу, какой ты патриот». Истребление немецкой живой силы стало почетным делом; поэтому каждый красноармеец стал караулить немцев. Кто больше всех убил немцев, тот и был самый уважаемый человек среди бойцов. Агитатор капитан Ракитянский, любимец бойцов, сам сидел по суткам с винтовкой в руках и в окопах, и на крышах, поджидая фрица. Дождется, убьет его и снова сидит, дожидается другого. Вот это я понимаю — агитатор! Я убил двести сорок два немца, в том числе больше десяти вражеских снайперов, и всегда был уверен, что я хитрее и сильнее немца, что моя винтовка бьет точнее немецкой. Я всегда спокоен и поэтому никогда не боюсь немцев». С учетом сказанного можно предположить, что камнем преткновения при решении вопроса о публикации подготовленной Комиссией книги очерков о героях был именно исторический подход, опора на факты, неприятие вымысла и наличие «неудобных» с идеологической точки зрения событий биографий.

В 1944 г. Отдел героев работал с прежней интенсивностью. Были застенографированы беседы с новыми Героями Советского Союза (например, с участниками форсирования Днепра)²⁸². В авиационный полк трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина в сентябре 1944 г. для записи бесед о легендарном асе выезжали сотрудники Комиссии Логинова и Петров²⁸³. А.А. Белкин писал 28 ноября 1944 г. начальнику политуправления Львовского военного округа гвардии полковнику М.П. Смольянову: «Я всегда с большим удовольствием вспоминаю гостеприимный прием в 64-й армии, когда Вы стояли в Сталинграде. Надо думать, что в будущей истории Отечественной войны материал, собранный нами в Сталинграде, найдет свое значительное место. Сейчас прошу Вас оказать содействие гв. старшему лейтенанту Петрову Л.Д., кстати, ранее работавшему в Вашей армии, и стенографистке Комиссии Крауз О.В. в их работе по сбору материалов. В их задачу входит запись трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина и Героев его соединения. Если будет возможно, то хорошо было бы им попасть в 1-ю гвардейскую танковую армию Катукова...»²⁸⁴.

К весне 1944 г. в общей сложности был собран материал на 3,5 тыс. героев. Сотрудники Комиссии составляли отдельные списки героев по Сталинградской операции, удостоенных за Московскую битву, героев-моряков и др. Велся список героев по областям; продолжала пополняться картотека по нацио-

²⁸² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 37. Л. 30.

²⁸³ Там же. Д. 26. Л. 332.

²⁸⁴ Там же. Л. 339.

нальностям и по родам войск²⁸⁵. К концу 1944 г. была завершена работа над сводной картотекой. В ней было 6558 карточек с анкетными сведениями по данным наградного отдела НКО и ВМФ.

29 декабря 1944 г., подводя итоги работы Отдела Героев Советского Союза, его руководитель А.А. Белкин указал, что качество стенограмм значительно улучшилось, квалификация сотрудников выросла. Лучшие стенограммы, по мнению Белкина, делала Р.И. Кроль. В.Л. Логинова славилась быстротой стенографии, поэтому сохраняла «колорит языка записываемого героя».

Тем не менее, отмечались и существенные недостатки, среди которых — небрежности в записях дат и фактов. «При стенографировании не следует гнаться за многими мелкими фактами, а записывать основательно центральные события», — говорил Белкин на одном из совещаний. Белкин также отметил, что Л.Д. Петров записывал «только самое основное». По его словам, сотрудницы Б.Е. Корфини и А.П. Серцова не имели подготовки и не должны были проводить стенографирование, но проводили, так как «герои приходили, и отпускать их, не проведя беседы, было жаль, а научных сотрудников не хватало». «Летом в отделе у нас было мало работников, а героев приходило много. Чтобы не потерять героя, мы, стараясь записать всех, пошли на запись от руки. И так как иногда от руки приходилось записывать двух-трех героев в день, то это отражалось на качестве записи. И сейчас иногда приходится записывать по три беседы в день, так что проверять все эти записи просто не успеваешь», — отмечал Белкин.

Р.И. Кроль делилась своим опытом: «Я делаю стенографирование на свой взгляд. Иногда я записываю героя больше как военного человека, иногда — как человека вообще. Но всегда я стараюсь рассматривать героя прежде всего как человека определенной эпохи. Я считаю, что молодые работники у нас ничему не научатся, так как они не с того начинают, с чего они должны были бы начинать. Они не сидели над материалами о Красной Армии, не держали в руках архивных документов, а взялись сразу за такое сложное дело, как собирание материала». Далее она подчеркивала: «Я считаю, что мы должны совершенно четко записать подвиг и военные вопросы, но я считаю, что человек — это прежде всего. <...> Материал для истории военных операций и роста военного мастерства и одновременно показ типичных черт советского человека — вот то, что должно быть целью при стенографировании».

А.Я. Грунт уточнял: «Когда стенографируется герой-командир, целью стенографирования должно быть военное искусство; когда стенографируется рядовой — эта цель может быть меньше достигнута, так как он рассказывает об операции, известной ему и происходящей на очень маленьком участке фронта, и в этом случае целью должен быть человек вообще, но операцию не надо забывать и в том, и в другом случае. Стенографирование, по-моему, складывается из трех элементов: 1) герой, 2) ведущий беседу и 3) стенографистка. Элементы эти неравноценны. <...> Ведущий беседу является главным при стенографиро-

²⁸⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 37. Л. 31.

вании и должен быть активным и в том случае, когда герой разговорчив. Необходимо направлять беседу. Все, кроме Петрова, страдают плохим знакомством с военным искусством. А это необходимо, так как иначе не сможешь руководить беседой. Бывает и так, что ведущему беседу все понятно в рассказе героя, а стенографистка не понимает и искажает рассказ героя <...> Вот, например, в стенограммах Петрова в каждом герое чувствуется Петров. Нельзя настолько править стенограммы. Иногда кажется, что незачем записывать все повторения героя и шероховатости и корявости его речи. А если очень исправлять стенограммы, то позже получается, что каждый герой был грамотным человеком».

А.Л. Сидоров настаивал на улучшении качества стенограмм: «Ведь даже такие сведения, как то, когда герой стал героем, есть не во всех стенограммах <...> Прошло больше трех лет войны, и нам пора военизироваться, т.е. быть квалифицированными в военных вопросах. По выступлениям товарищей видно, что не всем еще ясно, чем должна являться стенограмма и какие вопросы необходимы, а вот для работников военного отдела совершенно четко известно, что требуется от стенограмм и стенографирования. Я считаю, что стенограммы вовсе не должны обязательно отвечать на те вопросы, которые нам может задать ПУР, а вот показать рост человека от гражданской его профессии до его военной специальности нужно; нужно показать военный путь. Четко показывать в стенограмме, за что герою присвоено это звание»²⁸⁶.

В 1945 г. членами Комиссии было обработано новых 250 стенограмм бесед с Героями Советского Союза. В июле 1945 г. В.В. Кузин выдвинул предложение о том, что необходимо «поставить цикл лекций по военным операциям Великой Отечественной войны»²⁸⁷. Научные сотрудники Комиссии действительно ощущали недостаток специфических военных знаний.

На заседании Отдела Героев Советского Союза 20 марта 1945 г. горячие споры вызвала работа Петрова, которому был поручен сбор материалов о летчике Покрышкине²⁸⁸. С одной стороны, было признано правильным то, что Петров по своей инициативе во время командировки провел огромную работу по стенографированию боевых соратников знаменитого аса, рассказавших о своем товарище (всего им было опрошено 12 человек), в результате чего получился объемный портрет героя. С другой стороны, Петров не скрывал, что тексты стенограмм, в том числе и беседы с самим Покрышкиным, были затем подвергнуты им стилистической и смысловой правке. Минц назвал удачей привезенный Петровым комплекс документов о Покрышкине. Сотрудник Комиссии историк Сидоров, поддержав методы работы Петрова, по этому поводу отмечал: «С большим удовольствием посмотрел выправленную стенограмму и с меньшим вниманием — необработанную. Стенограмма интересная... Хорошо показан буйный характер Покрышкина, который помог ему стать также Героем и преодолеть все препятствия на пути к новаторству.

²⁸⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 15. Л. 27–29.

²⁸⁷ Там же. Д. 4. Л. 8.

²⁸⁸ Там же. Д. 15. Л. 18–20.

Правлена стенограмма недостаточно. Встречается много повторений, которые надо было устранить... Не допуская литературных вольностей и сохраняя специфику, надо было отчеканить то, что изложено в стенограмме...». Иной позиции придерживалась сотрудник Комиссии Корфини, которая считала правку недопустимой и настаивала на необходимости сохранить специфику речи Покрышкина и его товарищей. Ее поддержала Серцова: «С правкой стенограммы я совершенно не согласна. Собираясь писать о том или ином герое, я всегда буду пользоваться стенограммой направленной, так как, выправляя стенограмму, невозможно не допустить ошибки или изменения смысла сказанного героем»²⁸⁹. В результате работы Отдела Героев Советского Союза во время войны и в первые послевоенные годы было составлено в общей сложности 7 тыс. досье на героев, в тысяче из них имеются стенограммы или записи рассказов самих этих людей. В настоящее время эти материалы входят в Раздел IV фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН.

Другим важнейшим структурным подразделением Комиссии стал **Отдел партизанской борьбы (партизанского движения)**. В своем докладе на упомянутом выше Общем собрании Академии наук в 1942 г. И.И. Минц так характеризовал особенности сбора материала о партизанах: «...Собирание этих документов — наиболее трудный процесс. Их надо собирать немедленно, и нужно записывать рассказы партизан, пока еще в ушах раздается артиллерийская стрельба, ибо пройдет некоторое время, все это начнет забываться <...> Если мы запоздаем со сбором этого материала, может быть, будем впоследствии рассказывать не то, что было, и не то, что делал тот или другой партизан, а то, что он сделал бы, если бы он сейчас попал в такое положение. Вот почему мы считаем необходимым иметь целые группы, которые ездят на фронт, которые опросили около 200 командиров, комиссаров и наиболее активных участников отдельных партизанских отрядов. Такая же работа ведется в 10 районах освобожденной Смоленской области, такая же работа ведется в Туле, Калининской области и т.д.»²⁹⁰. В отличие от воинских подразделений, ведших документацию, история партизанского движения могла базироваться почти исключительно на изустных рассказах самих партизан. Поэтому отдел уделял первостепенное внимание стенографированию бесед с ними.

Сбор материалов по истории партизанского движения начался в связи с изучением событий обороны Москвы уже с января 1942 г. — за полгода до того, как примерно 20 июля 1942 г. было оформлено создание в Комиссии специального Отдела партизанского движения. Его руководителем стала Надежда Сергеевна Трусова. Первыми сотрудниками, приступившими к сбору данных о партизанах, стали зимой 1942 г. Е.Н. Городецкий, Л.М. Зак, П.И. Белецкий и прикомандированные к Комиссии политработники, в частности, батальонный комиссар К.И. Чирва. Все они записывали интервью, собирали

²⁸⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 15. Л. 18—20.

²⁹⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 198.

материалы о партизанах — в том числе о Героях Советского Союза (Кузине, Гурьянове, Солнцева, Зое Космодемьянской). Помимо записи интервью, шел сбор разного рода документов, партизанских газет и газет, издававшихся противником на захваченных им территориях.

13 апреля 1942 г. Минц писал секретарю МК ВКП(б) по пропаганде Поздееву: «За январь, февраль и март месяцы 1942 г. Комиссия по составлению Хроники обороны Москвы имела возможность провести сбор материалов по тем районам Московской области, которые были оккупированы фашистами. Наши работники привезли богатый материал, который может быть использован для написания не только брошюр для массового читателя, но и более глубоких по содержанию исторических работ по теме «Подмосковные партизаны в борьбе с немецкими захватчиками».

Всего, таким образом, мы собрали материал по следующим районам: 1. Лотошинской, 2. Шаховской, 3. Боровский, 4. Волоколамский, 5. Верейский, 6. Осташевский, 7. Можайский, 8. Рузский, 9. Угодско-Заводской, 10. Высоковский, 11. Клинский, 12. Солнечногорский, 13. Высокотинский, 14. Нарофоминский, 15. Серпуховской, 16. Подольский, 17. Звенигородский.

Комиссия совершенно не провела сбора материалов по следующим районам Московской области: 1. Уваровский, 2. Коммунистический, 3. Ново-Петровской, 4. Истринский, 5. Малоярославецкий, 6. Дмитровский, 7. Каширский, 8. Краснополянский, 9. Зарайский, 10. Красногорский, 11. Химкинский.

Несмотря на то, что вышеперечисленные районы были оккупированы частично, тем не менее, они представляют определенный интерес для Комиссии, а поэтому прошу Вашего совета, в какие районы в первую очередь следует послать работников для сбора материалов»²⁹¹. К ноябрю 1942 г., по данным Трусовой, были «обследованы все районы Московской области, которые были оккупированы немцами, произведены необходимые стенографические записи»²⁹².

К лету 1942 г. сбор материалов о партизанах вышел за рамки собственно Подмосковья, что стало поводом для создания отдела по этой тематике. В июне 1942 г. в Смоленскую область для сбора материалов был командирован А.Л. Минаев²⁹³. К 30 сентября 1942 г. документы о партизанах были собраны в 23 районах Московской области (застенографированы беседы с 248 участниками партизанского движения). В Смоленской области в это время работа велась в 21 районе (опрошены 72 человека), также продолжалась работа в трех районах Ленинградской области (были опрошены 3 человека), в Тульской области (7 человек). В самом начале находилось изучение Комиссией партизанского движения в Белоруссии (к сентябрю 1942 г. здесь опрошены только 9 человек)²⁹⁴.

²⁹¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 28. Л. 23. Впоследствии в этих районах материалы по истории партизанского движения тоже были собраны.

²⁹² Там же. Д. 2. Л. 12.

²⁹³ Там же. Д. 23. Л. 172.

²⁹⁴ Там же. Д. 16. Л. 1.

План Комиссии на 1943 г. по партизанскому движению предусматривал не только продолжение сбора материалов, но и подготовку на их основе нескольких изданий: сборника под рабочим названием «Истра» (о разрушениях культурных памятников в г. Истре, срок — к началу февраля 1943 г., ответственный Белкин)²⁹⁵; книги «Партизаны — Герои Советского Союза» (ответственная Трусова; срок — конец 1943 г., впоследствии она по неизвестным причинам была исключена из плана)²⁹⁶.

В течение 1943 г. были собраны материалы по партизанам Смоленщины — по 15 отрядам и бригадам, по 16 отрядам и бригадам Орловской области, по 35 отрядам Украины и Белоруссии. Сверх плана шла работа по партизанам Калининской области, а также по деятельности Центрального и фронтовых штабов партизанского движения. В результате бесед с партизанами в 1943 г. было собрано 187 стенограмм²⁹⁷. П.И. Белецкий для сбора документов выезжал в Калинин (ныне Тверь); Ф.Л. Еловцан выезжала в Штаб партизанского движения Западного фронта, Трусова установила связь на предмет интервьюирования и сбора документов о партизанах и подпольщиках с партийными руководителями Украины и Белоруссии²⁹⁸.

Комиссия стремилась действовать как можно более оперативно. 29 сентября 1943 г. — менее чем через два месяца после освобождения Орла — Минц направил следующее письмо секретарю Орловского обкома ВКП(б) Матвееву: «...Я прекрасно понимаю, что Вам сейчас не до истории, но сейчас история так переплелась с современностью, что я позволю себе обратиться к Вам с большой просьбой <...> Разумеется, собирание материала по истории партизанского движения, точнее, запись активных участников партизанского движения имеет особое значение, ибо партизанское движение оставляет меньше документального материала, чем регулярные части.

Мы направляем к Вам старшего научного сотрудника капитана Белецкого для сбора материала о партизанском движении в Вашей области. Задача наша сводится к тому, чтобы помочь и Вам собрать материал об орловских партизанах.

Очень прошу Вас как участника и организатора и одного из руководителей партизанского движения в Орловской области уделить некоторое время капитану Белецкому и рассказать ему то, что Вы находите нужным, о Вашей работе.

Одновременно прошу Вас помочь капитану Белецкому в сборе воспоминаний и стенографировании по Вашему указанию активных участников партизанской борьбы»²⁹⁹.

П.И. Белецкий провел большую работу в Орловской области. Его сохранившийся отчет об этой командировке от 30 октября 1943 г. прекрасно иллюстрирует методику и цели Комиссии в отношении собирания фактов и документов

²⁹⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 6. Л. 23.

²⁹⁶ Там же. Д. 38. Л. 8.

²⁹⁷ Там же. Л. 3.

²⁹⁸ Там же. Л. 20.

²⁹⁹ Там же. Д. 28. Л. 93—93 об.

по истории партизанского движения: «За время командировки мною проделано следующее: I. Проведено бесед под стенограмму всего 22, в том числе: с т. Горшковым (генерал-майор, начальник объединенного штаба партизанских бригад западных районов Орловской области); с Польским (полковник, помощник начальника объединенного штаба); Потапенко (подполковник, начальник разведотряда объединенного штаба); Фирсановым (полковник, начальник УНКВД по Орловской области); Ромашиным (Герой Советского Союза, председатель облисполкома); Ижукиным (Герой Советского Союза); Ефименковым (секретарь Новозыбковского подпольного окружкома ВКП(б); Потемкиным (секретарь Новозыбковского подпольного окружкома ВЛКСМ). Остальными беседами освещены основные моменты истории партизанских бригад военнослужащих: Ворошилова № 1, Ворошилова № 2, им. Пожарского, им. Суворова.

II. В отношении документов уяснено:

A.

1. Большое количество документов имеется в оперативной группе обкома ВКП(б). Кроме 57 папок (опись прилагается), в группе имеется: а) несколько папок с разрозненными экземплярами газет, издававшихся оккупантами в г. Орле и некоторых районах области, листовки немецкого командования к партизанам; б) газеты-листочки, издававшиеся в партизанских отрядах, бригадах и райкомах партии.
2. Большое количество документов оперативно-тактического и др. военного характера находится в объединенном штабе партизанских бригад западных районов Орловской области. Примечание: Так как работа свертывается, куда будут переданы все эти документы — я уяснить не мог.
3. Несколько папок с официальными документами оккупантов, рисующими оккупационный режим в области, находятся у начальника УНКВД т. Фирсанова.
4. В областном архиве начинают также откладываться материалы.
5. Много документов зарыто партизанскими отрядами (бригадами) в лесах (судя по словам тт. Ромашина, Князева и др.).
6. Документы имеются также у отдельных работников, как личный архив (например, у т. Михайлина имеется подшивка орловской газеты за 1942 г.).

Б.

Партизанское движение в районах Орловской области, особенно в военном отношении, руководилось из трех центров: Брянский фронт (Орловская область), Западный фронт (Смоленская область), Белорусским штабом партизанского движения.

Таким образом, документы по орловским партизанам можно найти также в Смоленском обкоме (штаб Западного фронта) и в Белорусском штабе партизанского движения.

В.

Так как на территории районов Орловской области определенное время побывали партизаны Черниговской области, Сумской области и некоторых

других, причем эти отряды пополнялись за счет местных партизанских отрядов и увели их с собой в другие области, то материалы по орловским партизанам можно найти также: в партизанских соединениях Героев Советского Союза Федорова, Попудренко, Ковпака, Сабурова»³⁰⁰.

В 1944 г. сотрудник Комиссии Ф.Л. Еловцан выезжала на Украину в Киев и Ровно, записала рассказы 22 партизан. В Крыму Трусова и Белецкий опросили 40 человек. Также собирались материалы о партизанах — Героях Советского Союза Ковпаке, Дуке, Милютине, Ромашке, Ковченко, Минькове, Мачульском, Наумове и других. Продолжался сбор материалов по Белорусской, Смоленской и Орловской областям. Всего за первую половину 1944 г. было собрано 136 стенограмм, получено 13 рукописей и 15 папок с документами на эту тему³⁰¹.

В 1944—1945 гг. значительный материал был собран по партизанскому движению на Украине. Сотрудники Отдела ездили в командировки в Белоруссию, Крым и Прибалтику, а также записывали партизан, находившихся в Москве на учебе, лечении и др.³⁰².

Наиболее серьезная исследовательская и организационная работа была проведена сотрудниками отдела в главном партизанском крае — Белоруссии. Н.С. Трусова вспоминала, что однажды добилась встречи с белорусскими партизанами лишь благодаря случайности: их командиру запомнился еще довоенный разговор с Трусовой во Владивостоке о необходимости бережного отношения к архивам. «В результате, — отмечала она, — было записано все, что можно было записать, и получено все, что можно было получить»³⁰³.

5 сентября 1944 г. секретарь ЦК КП(б) Белоруссии по пропаганде Т.С. Горбунов сообщал И.И. Минцу: «Уважаемый товарищ Минц! Ваши товарищи провели здесь большую работу. Убедительно прошу Вас прислать нам копии стенограмм всех записей, сделанных Вашими сотрудниками. Мы очень просим провести такую же работу по Брестской, Барановичской и Вилейской областям.

В Бресте работал Антифашистский комитет, созданный ЦК КП(б)Б. Работа его представляет несомненный интерес. Далее — интересно подполье Бреста, борьба гарнизона Брестской крепости в первые две недели войны с немецкими захватчиками.

В Барановичах и Витебске очень хорошо было записать о деятельности партийных организаций, об их борьбе с польскими националистическими группами, которых инспирировало эмигрантское польское лондонское правительство.

Все материалы, которые собраны у нас, мы в скором времени пришлем Вам»³⁰⁴.

В ответном письме И.И. Минц сообщал: «Уважаемый Тимофей Сазонович! Письмо Ваше я получил и очень Вам признателен за помощь, оказанную

³⁰⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Папка без номера. Листы без пагинации.

³⁰¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 38. Л. 57—58, 70.

³⁰² Там же. Д. 37. Л. 42.

³⁰³ Встреча... С. 318.

³⁰⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 28. Л. 130—130 об.

Вами нашим товарищам в их работе. Но я думаю, что это — помощь и Вам: копии всех материалов, собранных нами, я ведь направляю и Вам.

Имея возможность сравнивать партизанское движение ряда районов, я могу сказать, что Белоруссия представляет особо большой интерес и по размаху движения, и по формам борьбы, и по результатам. Поэтому свою работу в этом отношении будем продолжать.

О Вашем письме я доложу тов. Александрову и получу разрешение послать новую экспедицию в районы, указанные Вами. Предполагаю, что в октябре наши товарищи будут у вас в Минске, а оттуда поедут в Брестскую, Барановичскую и Вилейскую области.

Копии всех стенограмм, записанных в Минске, будут Вам присылать по мере их расшифровки. Все, что останется, привезут с собой товарищи в сентябре. Посылаю Вам два экземпляра Вашей стенограммы. Мне кажется, что рассказ вышел очень интересным. Очень прошу вас один экземпляр стенограммы исправить, если найдете нужным, дополнить и вернуть нам. Буду Вам очень признателен, если Вы пришлете нам материал, характеризующий работу печати в партизанских отрядах. Об этом материале вы говорили тов. Еловцан. Надеюсь, что и другие материалы, собранные Вами, будут поступать также и к нам. <...>³⁰⁵.

Материалы по истории партизанского движения сотрудники отдела собирали и сразу после войны. В настоящее время все документы сгруппированы в разделе II фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН.

Еще одним важным направлением работы Комиссии стало **изучение взаимодействия фронта и тыла во имя Победы**. Минц так писал по этому поводу: «Отвечая на вопросы миллионов, в чем существо наших успехов, в чем причины наших побед, мы всегда подчеркиваем, что одной из причин наших побед является невиданное в мире единство тыла и фронта <...> Если бы мы опубликовали данные хотя бы о таком процессе, как процесс перевода промышленности, процесс перевода нашей рабочей силы из районов, временно захваченных немцами или районов, которым угрожало нашествие немцев, — это цифры, невероятные по количеству. Эти цифры в будущем будут звучать, как сказки, как былины о богатырях, которые сумели перенести на своих плечах целое государство... Они будут слушать о том, как творческая воля Сталина подняла огромные массы, перевела их в другие районы, и не только перевела, но и пустила процесс производства на этих предприятиях.

Разумеется, мы не можем сейчас еще все эти данные распространять и даже, вероятно, собирать их не будем, но есть в этом процессе некоторые моменты, которые требуют теперь собирания материала. Это прежде всего рассказы рабочих, руководителей предприятий о том, как их конкретный завод — N был переведен с места, где он раньше был, в другой район, какие пришлось при этом преодолевать трудности, какое было проявлено при этом напряжение, доблесть и т.д.

³⁰⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 28. Л. 129.

Отдельные товарищи, не обязательно историки, исследователи из промышленности, связанные с вопросом техники, понятно, примут в этом деле участие. Они помогут поднять такие вопросы, как вопрос истории развития техники во время Отечественной войны.

Вторая группа вопросов, поднятая по инициативе президента Академии наук Комарова, это вопросы о работе промышленности на оборону, мобилизация ресурсов на оборону страны. Тут опять-таки целый ряд ученых, академиков с привлечением научных институтов и учреждений Сибири и Казахстана, по заранее разработанной схеме, сумеет принять участие в этом и оказать огромную помощь комиссии по собиранию материалов. Это собирание материалов, выполнение этого указания нашего президента имеет для нас исключительное значение.

<...> Наша армия вооружена самой лучшей в мире техникой. Наши танки, наши самолеты по качеству, наше противотанковое оружие и артиллерия превосходят фашистские [аналоги], и в нашу задачу входит показать этот процесс роста и, с другой стороны, перестройку промышленности на военные нужды.

Совершенно как самостоятельный вопрос в этой группе будет вопрос относительно помощи фронту, который выразился и в посылке подарков, и в донорстве, и в сборах в фонд обороны, и в займе и т.д. <...>»³⁰⁶.

В соответствии с программой, сформулированной в процитированном документе, к июлю 1942 г. в составе Комиссии был сформирован специальный **Отдел военной экономики**, руководителем которого был назначен Н.С. Волков. Деятельность отдела на самом деле охватывала широкий круг вопросов, относящихся не только к экономике, но и к социально-политическим вопросам. На первый взгляд, при крайне ограниченном объеме кадровых ресурсов выполнить все эти планы было практически невозможно. На заседании заведующих отделами Комиссии 24 ноября 1942 г. заведующий отделом Н.С. Волков сообщал: «В ноябре месяце проводилась работа на ряде московских заводов. Закончилась работа на двух предприятиях — завод № 23 в Киевском районе и завод «Красный пролетарий». В декабре будет развернута работа на заводах ЗИС, Геофизики и «СВАРЗ» и на одном предприятии ремесленного ученичества. Связь с райкомами мало что дает. Установлена связь с НКПС и другими наркоматами. В НКПС работают гг. Блинов и Раздобреев. Ведется работа для сборника «Оборона Москвы». Материал собирается на фабрике «Рот-Фронт». О работе метро в дни обороны Москвы материал также собирается. Но вопрос о работе в архиве МК партии еще не разрешен. Установлена связь с нашими Комиссиями в Казани и Свердловске»³⁰⁷.

В 1943 г. сотрудники Отдела военной экономики собирали материалы для книги «Оборона Москвы» (включая стенографирование участников событий) по темам: «Первое нападение на Москву с воздуха» (Волков), «МПВО отра-

³⁰⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 35. Л. 208—210.

³⁰⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

жает атаки врага» (Драбкина), «Подготовка метро в качестве убежища», «Молодые патриоты столицы», «Эвакуация детей» (Фохт). Также опрашивались работники Московского инструментального завода, завода «Автоприцеп», «Красный пролетарий», завода № 30 и имени Молотова, авиационных заводов № 22 и 23. Всего за 1943 г. была сделана 191 стенограмма. Составлялась картотека Героев Социалистического Труда³⁰⁸. В 1943 г. в план работы отдела была добавлена подготовка сборника «Герои Социалистического Труда» (ответственные Волков, Геррес, Драбкина)³⁰⁹.

Разнообразие экономических и социальных тем, требующих документирования и освещения, явно не совпадало с реальными возможностями отдела, поэтому его сотрудники предлагали сконцентрироваться на приоритетных направлениях, которые, однако, не были сформулированы. На совещании 26 октября 1943 г. в присутствии И.И. Минца Драбкина отметила, что «перспективы отдела не ясны». Геррес подчеркнул, что «в работе отдела нет достаточной целеустремленности». Он считал, что название отдела не отражает всех направлений его работы. И.И. Минц так высказался о своем видении основных задач и направлений работы отдела:

«1. Собирать материал по экономике Москвы и разработать <...> главы из книги «Оборона Москвы»; 2. Надо поддержать предложение Драбкиной — закончить работу по участию населения Москвы в дни ее обороны; 3. Надо продолжить работу по изучению заводов. Почему оставили такую тему, как «Четверть века одного авиазавода»? Ведь на одном заводе можно показать все. Можно составить серию отдельных предприятий. Не обязательно взять завод имени Сталина, можно взять, например, Толевый завод³¹⁰; 4. Отдел должен руководить работой местных комиссий (составление письма об их работе, обмен опытом и т.д.). Комиссии могут сами составлять историю заводов. Им надо помочь и этой работой руководить. 5. Необходимо дальше развернуть работу по Героям Социалистического Труда, заимствуя в этом отношении опыт нашего отдела Героев Советского Союза. 6. Следует изучить газетный и журнальный материал экономики страны за годы Великой Отечественной войны, дать оценку ему и показать, как следует дальше разрабатывать этот материал. 7. Мы должны посмотреть, как отображает хроника работу местной промышленности. 8. Нам необходимо поддерживать связь с соответствующими аналогичными отделу организациями, изучать их опыт».

Таким образом, Минц вновь настаивал на программе действий, которую, объективно говоря, нереально было реализовать в военных условиях силами всего нескольких сотрудников отдела. На данном совещании руководитель

³⁰⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

³⁰⁹ Там же. Д. 6. Л. 23—23 об.

³¹⁰ Работу по столичному Автозаводу им. Сталина начала в сентябре 1942 г. Е.М. Грицевская. Она ездила в г. Ульяновск на эвакуированное туда предприятие, провела производственное совещание по организации написания истории завода силами заводских работников. В фонде Комиссии отложилось четыре дела по работе на этом заводе.

отдела Волков предложил сконцентрироваться на ключевых экономических проблемах в региональном разрезе, в частности, «приступить к изучению вопросов экономического характера по Донбассу и Орловской области»³¹¹.

В 1944 г. сотрудники Отдела экономики продолжили сбор материалов на предприятиях Москвы и Московской области. Другими ведущими темами являлось восстановление экономики Донбасса (Волков, Геррес), сбор документов о Героях Социалистического Труда военных лет (Вишеров), сбор материалов о метро и Метрострое в годы войны (отв. Фохт; ее работа началась с очерка «Подготовка метро в качестве убежища»). Волков в 1944 г. выезжал в Сталино, Мариуполь, Запорожье для стенографирования бесед и сбора других материалов³¹².

В отчете отдела за 1944 г. говорилось: «За этот год состоялось 39 заседаний Отдела. Два раза мы имели длительные совещания с участием члена-корреспондента АН СССР т. Минца. Отдел разработал вопросники по темам: Эвакуация промышленности и транспорта и Восстановление народного хозяйства в освобожденных районах. О своевременности разработки последней проблемы свидетельствует 16 телеграмм товарища Сталина в Донбасс и Мосбасс в 1944 г., в которых он выделял главные звенья развертывания восстановительных работ. Вопросы периодизации и очередности описания восстановления народного хозяйства обсуждались неоднократно в отделе, а также в Сталинской областной и Сталиногорской городской комиссиях по составлению хроники Отечественной войны.

Следует констатировать выполнение основного плана работы Комиссии по нашему отделу за 1944 г. Но широко развернуть свою работу отдел не мог вследствие малочисленности состава (4 научных сотрудника). <...> В работе сотрудников Отдела 1944 г. во всех отношениях является переломным. Прежде всего достигнуты определенные успехи в собирании материалов. Собрано 199 стенограмм <...> За этот же год поступило много докладных записок, отчетов, материалов и т.д.»

В целом в 1944 г. можно выделить три приоритетных темы отдела. Во-первых, «Московская промышленность и транспорт в обороне столицы» (отв. А.В. Фохт). По этой тематике был собран разнообразный материал. Велось изучение архивных материалов и стенографирование рассказов работников следующих московских предприятий: «Серп и Молот», Дорхимзавод им. Фрунзе, Бутырский химзавод, Комбинат твердых сплавов, Трехгорная мануфактура и др.³¹³. Для сбора документов, как и в 1930-е годы во время работы по «Истории фабрик и заводов», привлекались сами работники предприятий³¹⁴. Кроме того, началось изучение научных учреждений в годы войны. С этой целью А.В. Фохт составила инструкцию для написания истории научных учреждений и науки³¹⁵.

³¹¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 16—16 об.

³¹² Там же. Л. 15.

³¹³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 38. Л. 110—110 об.

³¹⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 58—61.

Второй приоритетной темой работы отдела стало «Восстановление Подмосквовного угольного бассейна»³¹⁶. Третьей — восстановление угольной и металлургической промышленности Донбасса. Были также собраны данные по 12 Героям Социалистического Труда³¹⁷.

Четыре сотрудника отдела были явно перегружены работой. Кроме того, они привлекались и к деятельности других отделов Комиссии. В результате количество собранных материалов по военной экономике и социальной сфере значительно меньше по сравнению с тем массивом источников, которые отложились в результате работы других отделов. Тем не менее, эти материалы представляют значительный интерес, особенно для изучения тыла времен Великой Отечественной войны. В настоящее время они сгруппированы в Разделе V фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН.

И.И. Минц уделял большое внимание созданию отделений или филиалов Комиссии на местах, которые действовали, как правило, на общественных началах (поручения проводились через решения партийных или советских органов). Такие отделения или комиссии работали в нескольких республиках, на уровне регионов (области, районы), а также в воинских частях, на предприятиях, в учреждениях культуры, в научных организациях и др. Таким образом, Комиссия имела довольно разнообразную и разветвленную сеть родственных подразделений на местах. Часть из них была активна, другие — нет. Все они были разной ведомственной подчиненности. Часть структур существовала в течение всего нескольких месяцев — на время сбора материалов по своей истории, другие работали более или менее постоянно. Очевидно, что координация деятельности этих подразделений представляла большую проблему, усугублявшуюся чрезвычайными условиями военного времени. Научным сотрудникам Комиссии требовалось, таким образом, быть не только учеными, но и обладать незаурядными организаторскими способностями.

Одним из первых после упоминавшегося выше Общего собрания Академии наук в мае 1942 г. в Свердловске был создан филиал Комиссии на базе Академии наук. Главой филиала стал академик В.П. Волгин, членами его руководящего бюро — профессора Б.Г. Кузнецов, В.В. Данилевский и др.³¹⁸ Ими был разработан план работы, который предусматривал, в частности, сбор материалов о 3-й гвардейской (Уральской) дивизии³¹⁹.

В июле 1942 г. Комиссия выступила с инициативой создания сети республиканских и областных комиссий в составе 3–5 человек. Они должны были использовать в своей работе существующие научные учреждения, общественные организации, редакции газет и журналов. Общие задачи работы формулировались следующим образом: «...собираание материалов по истории Отечественной

³¹⁶ Этим направлением занимался Геррес, который умер в 1944 г. После его смерти работа выполнялась новым сотрудником Отдела полковником Логиновым.

³¹⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 38. Л. 110–110 об.

³¹⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Ед. хр. 35. Л. 63.

³¹⁹ Там же. Л. 204.

войны: о партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организациях в Отечественной войне, о перестройке и мобилизации промышленности и сельского хозяйства на войну, о героях фронта и тыла, о социалистическом соревновании, о помощи фронту и т.п.»³²⁰. Соответствующее инструктивное письмо было направлено за подписью «куратора» Комиссии Минца — заведующего Управлением пропаганды и агитации ЦК партии Г.Ф. Александра в адрес руководителей Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Карело-Финской республики, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Грузии, Армении, Азербайджана, а также российских областей — Ивановской, Калининской, Тульской, Ярославской, Сталинградской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, Свердловской, Челябинской, Молотовской, Кировской и г. Ленинграда³²¹. Координировать и осуществлять методическое руководство этой работой на региональном уровне должен был специально созданный в составе Комиссии к июлю 1942 г. **Отдел национальных республик**.

Судя по документам, к сентябрю 1942 г. были созданы комиссии в Иваново-Вознесенской области, Дагестане, Северной Осетии, Белоруссии, Литве и Эстонии, при Украинской академии наук, в Киргизской республике³²². Отдел национальных республик Комиссии состоял всего лишь из трех сотрудников: Э.Б. Генкиной (заведующая), А.И. Федяевой и Р.И. Голубевой. Первоначально они самостоятельно собирали в центральных газетах информацию о жизни национальных республик во время войны и планировали сделать сборник «Дружба народов СССР в Великой Отечественной войне» (о нем речь шла на совещании отдела 20 августа 1942 г.)³²³. По всей видимости, этот сборник так и не был подготовлен, но в 1943 г. вместо него появился сборник «Национальные республики в помощь Москве, Сталинграду, Ленинграду». Сотрудники отдела установили творческие контакты со всеми филиалами — комиссиями, образованными в союзных республиках³²⁴.

Кроме того, в план на 1943 г. входило продолжение формирования комиссий по истории Великой Отечественной войны в союзных и автономных республиках (срок — к 1 марта 1943 г., ответственная Генкина). Было намечено проведение в Москве совещания филиалов Комиссии, работающих в союзных и автономных республиках. Однако в силу отсутствия рабочих рук (в марте 1943 г. Генкина сообщала, что в отделе, помимо нее, трудится только Федяева) в полной мере осуществить планы не удалось. Федяева вела в основном библиографическую деятельность. Главная же задача — организационная работа, инструктирование филиалов с выездом на места, созыв методических совещаний и проч. — требовала дополнительных сотрудников. Соответствен-

³²⁰ Курносав А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР: (Организация и методика собирания) // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 121.

³²¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 39—40.

³²² Там же. Л. 55.

³²³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 2. Л. 4.

³²⁴ Там же. Дело 38. Л. 7.

но, отдел отставал в сборе материалов. Минц по этому поводу отмечал: «Надо отвести упрек в том, что одни наши отделы собрали материал, а другие, как Отдел национальных республик, еще не собрали. К этому отделу должен быть особый подход — мы поднимаем новое дело <...> Основное в работе — прежде всего проследить за тем, чтобы на местах были созданы комиссии, и чтобы комиссии развернули работу». Минц также предлагал показать роль республик в обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда³²⁵. Важной задачей, по его мнению, было собрать материал о национальных формированиях в РККА, например, о Латышской и Туркменской дивизиях и их участии в боях³²⁶.

Б.Л. Лихтер в июне 1943 г. была направлена в Казахстан для сбора материалов о роли республик и народов Казахстана и Узбекистана в обороне Москвы³²⁷. Она также подготовила инструкцию для национальных комиссий по сбору материалов о войне³²⁸.

В начале 1943 г. Р.И. Голубева продолжила начатую ею в 1942 г. работу по истории 43-й гвардейской Латышской дивизии. Она вспоминала, что, когда в 1942 г. ей был поручен сбор материалов о латышских воинских частях, она, заручившись поддержкой А.Я. Пельше (тогда секретаря ЦК КП(б) Латвии), направилась в 201-ю Латышскую стрелковую дивизию. Там состоялись первые записи бесед с командирами, бойцами и политработниками. В 1943 г. Голубевой были записаны рассказы о действиях дивизии в 1941 г. под Боровском и Наро-Фоминском, где начался боевой путь соединения, а также о боях в районе Демянского плацдарма. Стенографирование бесед с латышами было продолжено во время поездок Голубевой в 1944–1946 гг. в 130-й Латышский стрелковый корпус³²⁹. В итоге Комиссией был собран уникальный мемуарный и документальный материал о боевом пути латышских частей в годы войны³³⁰. Книга по истории латышской дивизии была написана Р.И. Голубевой уже после войны. Материалы Отдела национальностей Комиссии, к сожалению, плохо сохранились, они отложились в разделе VII (всего 49 единиц хранения) современного фонда Комиссии Минца в Научном архиве ИРИ РАН.

В 1944 г. в структуре Комиссии произошли изменения. Был ликвидирован Отдел национальных республик, но в январе 1944 г. был создан новый **Отдел «Оккупационный режим и восстановление органов Советской власти»**³³¹. Заведовать новым отделом стала Э.Б. Генкина³³².

К началу 1944 г. Комиссией, в том числе в рамках сбора документов по истории партизанского движения, военной экономики и др., был накоплен большой опыт работы по истории германского оккупационного режима. Осе-

³²⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

³²⁶ Там же. Л. 15.

³²⁷ Там же. Д. 22. Л. 126.

³²⁸ Там же. Д. 8.

³²⁹ Собранные материалы по дивизии см. Раздел I. Опись 16.

³³⁰ Встреча... С. 318.

³³¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 3. Л. 14; Д. 38. Л. 117.

³³² Там же. Д. 37. Л. 41–41 об.

нию 1943 г. А.Л. Сидоров побывал в освобожденном советскими войсками Харькове и привез богатую подборку материалов об оккупационном режиме в городе, которые были дополнены 63 стенограммами бесед с харьковчанами, собранными Р.И. Голубевой. Тема немецкого оккупационного режима имела не только научное, но и политико-пропагандистское значение. Накануне этой командировки, 21 сентября 1943 г., И.И. Минц писал секретарю по пропаганде ЦК КП(б)У Литвину: «Тов. Александров считает нужным, наряду со всей работой, сейчас собрать и записать две-три сотни харьковских жителей о хозяйничанье немцев в Харькове»³³³.

В начале 1944 г. в связи с активным освобождением ранее оккупированных территорий и восстановлением на них советской власти эта тема вошла в число приоритетных. Поэтому было принято решение о создании в структуре Комиссии специального отдела. В основу его работы на 1944 г. была положена задача сбора материалов, главным образом в находившихся в оккупации в течение нескольких лет Украине и Белоруссии³³⁴.

В первом квартале 1944 г. Генкина с бригадой была в командировке в Мелитополе (ею привезены 73 стенограммы бесед с местными жителями, в том числе 13 — непосредственно об оккупационном режиме), а Лихтер — в районе Донбасс — Сталино (привезены 72 стенограммы бесед, из них около половины по оккупационному режиму). Кроме того, в марте 1944 г. состоялась поездка Белкина в Киев (привезено 28 стенограмм по оккупационному режиму, респонденты — от академика до воспитателя детского дома)³³⁵. Генкина полагала, что материалы, изданные при фашистах, необходимо перевозить лишь секретным порядком, в соответствии с существующей на этот счет инструкцией. Она также упомянула, что привезла из Мелитополя школьные учебники, по которым дети учились во время оккупации³³⁶. В итоге уже в первом квартале 1944 г. Комиссией были собраны материалы по оккупационному режиму в важнейших центрах Украины — Харькове, Киеве, Донбассе, Мелитополе³³⁷.

Продолжением этой деятельности стала поездка во втором квартале 1944 г. сотрудника отдела Е.Д. Черменского в Киев и Одессу. По собранным материалам он писал докторскую диссертацию о зоне румынской оккупации и ее отличиях от немецкой³³⁸.

Во второй половине 1944 г. сотрудники отдела выезжали в командировки в Белоруссию для сбора документов и опроса свидетелей: Лихтер — в Минск (собрано 22 стенограммы), а Миско — в Барановичскую область (собрано 34 стенограммы). Сотрудники других отделов Комиссии тоже по возможности опрашивали людей, бывших в оккупации, привозили документы и сте-

³³³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 349.

³³⁴ Там же. Д. 3. Л. 14.

³³⁵ Там же. Л. 1.

³³⁶ Там же. Л. 1 об.

³³⁷ Там же. Л. 14.

³³⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 3. Л. 13. Генкина критиковала выбранный для работы ракурс и рекомендовала поменять тему.

нограммы по этой теме. В частности, Еловцан привезла из Минска и Бреста 13 стенограмм, 1 стенограмму из Львова, а Голубева и Грицевская привезли из командировки в Ригу 14 стенограмм³³⁹.

Лихтер, кроме того, собирала материал о том, как немцы хозяйничали в 1941 г. в подмосковных колхозах. Помимо командировок по линии Комиссии, использовались и другие возможности. Например, когда Миско был командирован в Белоруссию в составе пропагандистской группы при ЦК партии, он, не имея возможности стенографировать, вел записи от руки и занимался «организационной работой по созданию местных комиссий и сборанию документации»³⁴⁰.

Обсуждение работы отдела на редакционном совещании 15 марта 1945 г. выявило разницу в подходах к фиксации событий времен оккупации. И.М. Разгон считал, что нельзя ограничиваться стенографированием лишь руководящих работников, необходимо собирать значительный массив интервью рабочих, крестьян, рядовых партизан. «Живых людей надо дать побольше», — подчеркивал он. Его поддержала Р.И. Голубева, предлагавшая собирать материалы и от «обывателей». Б.Е. Лихтер ей возражала: «Мы не записываем обывателей, мы записываем лиц, пострадавших от немецких оккупантов!» Б.Е. Лихтер и Э.Б. Генкина считали, что записывать нужно именно руководящих работников, поскольку они более компетентны и владеют информацией³⁴¹.

В первом полугодии 1945 г. были проведены только две командировки — Лихтер ездила для сбора материалов в Эстонию и на Украину. Планировалось объединить усилия с сотрудниками, работавшими над историей партизанского движения³⁴². В итоге материалы отдела отложились в разделе VI «Оккупационный режим» фонда Комиссии Минца в современном Научном архиве ИРИ РАН.

Таковы основные направления работы Комиссии в 1942—1945 гг.

В августе 1945 г. И.М. Разгон направил список научных сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны для сведения в Управление пропаганды и агитации ЦК партии. В списке, помимо И.И. Минца, Е.Н. Городецкого и И.М. Разгона, значились еще 34 человека: Э.Б. Генкина, А.Л. Сидоров, А.А. Белкин, Н.С. Волков, Е.Я. Шрейбер, В.Е. Никитин, Ф.Л. Еловцан, Р.И. Кроль, Г.Н. Анпилогов, Н.С. Трусова, Р.И. Голубева, Л.А. Вишеров, А.В. Фохт, А.П. Логинов, Б.Л. Лихтер, М.И. Стишов, С.В. Небольсина-Мусина, Е.М. Грицевская, Л.Д. Петров, В.А. Козлова, Т.Г. Бренейзен, А.И. Шамшина, В.Л. Логинова, В.Ф. Кузин, Е.А. Луцкий, О.Н. Чаадаева, Д.Е. Черменский, Т.А. Волжина, А.И. Геронимус, С.М. Драбкина, И.К. Курпеев, А.А. Лаврова, А.Л. Минаев, Р.И. Ольша.

К тому моменту началась освободительная миссия Красной армии на Дальнем Востоке, и собирать материалы и интервью о войне с Японией были

³³⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 38. Л. 114.

³⁴⁰ Там же. Д. 37. Л. 47, 50.

³⁴¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.

³⁴² Там же. Д. 38. Л. 130—130 об.

направлены сотрудники Комиссии Никитин, Еловцан, Вишеров и Грицевская³⁴³.

15 ноября 1945 г. Президиум АН СССР вынес решение о ликвидации Комиссии и образовании на ее основе в составе Института истории АН СССР нового Сектора по изучению истории Великой Отечественной войны под руководством И.И. Минца³⁴⁴. Таким образом, вместо самостоятельного Института истории войны он получил сектор в академическом Институте истории. Большинство сотрудников Комиссии перешли сюда на работу. В архиве Комиссии сохранилась выписка из протокола № 20 Распорядительного заседания Президиума АН СССР:

«15 ноября 1945 г.

4. О Комиссии по составлению хроники ВОВ. Докладчик — академик В.П. Волгин.

1. Признать, что Комиссия по составлению хроники Великой Отечественной войны, организованная для собирания материалов во время войны, выполнила свои задачи.

2. В связи с окончанием войны считать работу Комиссии по составлению хроники ВОВ законченной и с 1 декабря ее ликвидировать. Объявить благодарность за проделанную работу профессору Г.Ф. Александрову и чл.-корр. АН СССР И.И. Минцу и всем работникам Комиссии.

3. Материалы Комиссии учесть, составить аннотации и передать в Институт истории.

4. Передать также в Институт истории:

— 35 единиц штата Комиссии

— кандидатскую и докторантскую аспирантуру Комиссии

— библиотечный фонд Комиссии

— хозяйственный инвентарь Комиссии.

5. Образовать в Институте истории специальный сектор для изучения истории Отечественной войны, возложив его руководство на член-корреспондента АН СССР И.И. Минца.

6. Просить секретариат Главной редакции ИГВ сохранить за сектором помещение, занимаемое Комиссией по составлению хроники Великой Отечественной войны.

7. Остатки ассигнований Комиссии на 1945 год передать в распоряжение Института истории, для организации работы вновь образованного сектора.

Президент АН СССР академик С.И. Вавилов

Академик-секретарь АН СССР академик Н.Г. Бруевич³⁴⁵.

Приказ о ликвидации Комиссии был подписан в декабре 1945 г.³⁴⁶

³⁴³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 216—218.

³⁴⁴ Левшин Б.В. Деятельность Комиссии по истории ВОВ, 1941—1945 гг. // История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976. С. 317.

³⁴⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Папка без названия. Листы без пагинации.

³⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

В 1942—1945 гг. Комиссия Минца, включая рабочие комнаты сотрудников и архив для хранения собранных документов и стенограмм, территориально располагалась по адресу: ул. Коминтерна, д. 9³⁴⁷. Это здание занимал секретариат Главной редакции «История Гражданской войны» (ИГВ) и одноименное издательство ОГИЗа. Фактически существовавший с 1930-х гг. секретариат ИГВ в трудные военные годы приютил у себя Комиссию. Это соседство было естественным не только в силу исторического характера обоих начинаний и родственности тематики историй Гражданской и Великой Отечественной войн. И.И. Минц (в 1931—1949 гг. он был ответственным секретарем ИГВ) фактически возглавлял во время войны одновременно оба проекта. Часть научных сотрудников тоже параллельно работали в редакции ИГВ и Комиссии³⁴⁸. Понимая исключительное научное значение собранных во время войны материалов, Минц настоял на том, чтобы архив Комиссии тоже располагался у него «под боком» — рядом с архивом Секретариата редакции ИГВ. Документы Комиссии оставались там даже после того, как сама Комиссия в конце 1945 г. была ликвидирована с преобразованием ее в Сектор истории Великой Отечественной войны Института истории АН СССР³⁴⁹ (в 1947 г. на основе этого сектора в Институте был создан Сектор истории советского общества). Преемственность и независимость подчеркивалась и тем, что сектор остался в здании Комиссии на ул. Коминтерна, тогда как сам Институт истории располагался на Волхонке.

В 1946 г. в Секторе истории Великой Отечественной войны Института истории работало несколько десятков бывших сотрудников Комиссии. Сектор — самый большой по численности в институте — состоял из нескольких групп по основным направлениям работы бывшей Комиссии, что подчеркивало их преемственность. Помимо И.И. Минца (заведующий), здесь работали его заместитель И.М. Разгон, А.Л. Сидоров (руководитель группы истории народного ополчения), Н.С. Трусова (руководитель группы истории партизанского движения), А.А. Белкин (руководитель группы Героев Советского Союза), Н.С. Волков (руководитель группы по изучению тыла в Великой Отечественной войне)³⁵⁰. Дополнительный вес новому сектору придавало то обстоятельство, что у Минца сохранялись хорошие связи в ЦК партии.

10 июля 1946 г., строя новые научные планы уже в рамках Института истории АН СССР, Минц отмечал в одном из писем: «В пятилетку Института истории мы вставили три темы: история народного ополчения Москвы, раз-

³⁴⁷ В 1946 — начале 1990-х гг. — ул. Калинина и проспект Калинина. Ныне ул. Воздвиженка.

³⁴⁸ И.И. Минц был освобожден от должности ответственного секретаря 11 апреля 1949 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) // Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011. С. 551. В опубликованной дневниковой записи Минца это событие датировано 18 июля 1947 г. («в связи с переходом на договорные отношения») // «Из памяти выплыли воспоминания...» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика И.И. Минца / Сост., авт. комм. В.Л. Телицын. М., 2007. С. 82. Несовпадение дат составителем не прокомментировано.

³⁴⁹ Этот сектор необходимо отличать от Военно-исторического сектора, который был создан в Институте истории в 1944 г.

³⁵⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262а. Приказы по Институту истории за 1945 г. по лс. Л. 178—179.

гром немцев под Москвой, Сталинградская битва. Вопрос о работе Комиссии, разумеется, не решен еще. Кто будет заниматься историей Отечественной войны в широком смысле слова, пока еще неизвестно, но уже сейчас, мне кажется, на пять лет можно план увеличить. В частности, надо вставить работы о Героях Советского Союза. Во-вторых, надо вставить какие-нибудь две операции, скажем, Орловско-Курское сражение и, предположим, битва за Белоруссию или что-нибудь в этом роде. Кроме того, необходимо дать название нескольких публикаций документов или воспоминаний. Например: партизанское движение 1941—44 г. в рассказах его участников (белорусский сборник, смоленский сборник, крымский сборник, рейд Ковпака, Наумова и т.п.). Подумайте, посоветуйтесь с товарищами, и завтра мы отошлем в ЦК наш проект»³⁵¹.

Позицию Минца проясняет также составленный им в июле 1946 г. проект постановления Военного совета бронетанковых механизированных войск о необходимости «приступить к собиранию материалов для составления: а) научно-популярной книги «Советские танкисты в боях за родину» для массового распространения и б) многотомной исследовательской работы о танковых войсках в Великой Отечественной войне». Для создания последней, по мнению Минца, необходимо было создать комиссию из генерал-полковника И.И. Бирюкова, д.и.н. И.М. Разгона, писателя Михаила Брагина. Комиссия должна была подготовить докладную записку в правительство с просьбой разрешить подготовку и издание этой работы. «Первоочередным считать подбор материалов, отражающих роль Верховного главнокомандующего товарища Сталина в создании и руководстве танковых войск»³⁵², — отмечалось в проекте.

В 1946 г. бывшие сотрудники Комиссии, будучи уже в штате Института истории, продолжали опрашивать участников войны, собирать материалы из прессы и литературы, составлять летопись войны. Они готовили к публикации сборники и брошюры о Героях Советского Союза и боевых операциях Великой Отечественной войны. Но ни одна книга опубликована так и не была³⁵³.

Весной 1947 г. в Институте истории было принято решение «о слиянии секторов Истории СССР советского периода и Истории Великой Отечественной войны»³⁵⁴. Это было сделано «в целях усиления исследовательской работы в области истории СССР Советского периода и периода империализма, более правильной расстановки кадров и рационального использования имеющихся сил». Руководителем нового «советского» сектора был поставлен избранный к тому времени академиком И.И. Минц. В секторе продолжили работу его бывшие соратники по Комиссии: старшие научные сотрудники Д.А. Ба-

³⁵¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 45. Л. 67.

³⁵² Там же. Л. 71—71 об.

³⁵³ Там же. Л. 22—25 и др.

³⁵⁴ Протокол совещания при директоре института от 4 марта 1947 г. // НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 374. Л. 14. Доклад по этому вопросу сделал В.И. Шунков; приказ об образовании сектора от 12 марта 1947 г. // Там же. Д. 366. Л. 18.

евский, Э.Б. Генкина, А.П. Кучкин, Б.Л. Маркус, П.Н. Шарова, И.М. Разгон, Н.С. Трусова, Н.С. Волков, А.А. Белкин, а также м.н.с.: А.М. Гуревич, А.А. Матюгин, Г.Г. Морехина, Е.Б. Петропавловская, Г.Н. Анпилогов, Р.И. Голубева, М.И. Стишов, А.Б. Фохт, Р.И. Кроль, Б.Л. Лихтер, И.П. Белецкий, В.Л. Логинова, С.В. Мусина, Е.Я. Шрейбер, М.Э. Сорокина, Ф.Л. Еловцан, П.И. Ирбиник, Л.Н. Нечаева, Т.А. Ремезова, С.И. Якубовская, М. Барышева (отчество не установлено). В качестве научно-вспомогательных сотрудников в институте трудились Р.А. Миркина, А.И. Шамшина, З.Н. Печенкова, Б.Е. Корфини, В.А. Козлова, В.И. Шипица, Л.Н. Юркевич, О.А. Рослякова, М.П. Лапутина, Е.М. Грицевская. В план работы института были включены коллективные монографии «История народного ополчения», «История партизанского движения 1941—1944 гг.», «Поражение фашистских войск под Москвой в 1941—1942 гг.», «Сталинградская битва», «История Москвы» (том 6)³⁵⁵. Из сектора Минца ушел лишь А.Л. Сидоров, да и то на повышение — он стал заведовать группой истории СССР периода империализма³⁵⁶.

В 1947 г. в институте были разработаны и приняты «Основные направления и работы по истории на ближайшее двадцатилетие». Главными перспективными проектами Сектора истории советского общества были названы 20-томная «История строительства социализма и перехода к коммунизму в СССР (1917—1967)», а также 10-томная «История Великой Отечественной войны»³⁵⁷. В 1947 г. Минц опубликовал книгу «Великая Отечественная война Советского Союза», которая на волне борьбы с космополитизмом была подвергнута критике³⁵⁸.

Опасаясь за судьбу архива Комиссии по истории Великой Отечественной войны, Минц дал указание заведующей архивом С.В. Небольсиной-Мусиной: «...Наши материалы не подлежат выдаче или использованию за исключением наших сотрудников, и то с моего разрешения или разрешения моего заместителя. Очень Вас прошу еще раз проверить состояние архива. Если Вам нужны дополнительные работники, укажите, мы вам дадим необходимое количество сотрудников. Академик И. Минц. 26.7.47»³⁵⁹.

Тем временем работа руководимого Минцем сектора над заявленными многотомными проектами продолжалась. В отчете Института истории за 1947 г. указано, что сотрудники также работали по следующим темам: «Москвичи в обороне» (сб. статей, бригадир — М.И. Стишов), «Женщины на фронтах Великой Отечественной войны» (сб. документов, составитель — Н.С. Трусова, был принят к печати Профиздатом), «Герои битвы за Днепр, 1943 г.: сборник воспоминаний Героев Советского Союза» (составитель — Р.И. Кроль), «Сражение за Москву: Хроника. Основные даты» (составители —

³⁵⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 14—14 об.

³⁵⁶ Там же. Л. 28.

³⁵⁷ Там же. Д. 370. Л. 11.

³⁵⁸ Сонин А.С. Указ. соч. С. 525—526.

³⁵⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

Г.Н. Анпилогов, М.Э. Сорокина)³⁶⁰. Но изданы эти книги не были, что стало основанием для критики и последующего обновления кадров в секторе, в том числе за счет бывших сотрудников Комиссии Минца³⁶¹.

С 15 января по 27 февраля 1948 г. состоялась последняя командировка по планам бывшей Комиссии: сотрудница Института истории Ф.Л. Еловцан для подготовки сборника «Партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» ездила в Минск и Могилев, где провела и стенографировала четыре беседы³⁶².

Судьба архива Комиссии Минца

В июле 1942 г. Совнарком РСФСР утвердил штаты Комиссии, в том числе и должность заведующего архивным фондом Комиссии. Им стала сотрудник Комиссии Ф.Л. Еловцан. Первые поступления в архив Комиссии были сделаны 10 июля 1942 г. В этот день в инвентарной книге поступлений сделаны первые записи о передаче материалов по истории партизанского движения в Московской и Смоленской областях на хранение в архив. Если в конце 1942 г. в архиве Комиссии числилось 117 единиц хранения, то на 1 января 1948 г. в архиве бывшей Комиссии значилось уже 8190 единиц хранения, из них 6128 стенограмм бесед, 932 документа и 1130 рукописей, воспоминаний, дневников и т.п.

Инструкция по систематизации, учету, хранению и использованию материалов, поступивших в архив Комиссии, была разработана и утверждена не раньше 1944—1945 гг., так как в ней указан раздел «оккупационный режим», сбор материалов по которому был начат в 1944 г.

Весной 1948 г. в условиях гонений на возглавляемый им сектор Минц подал в Президиум АН СССР просьбу об отставке, которая была удовлетворена 7 июня 1948 г.³⁶³ Накануне, 2 апреля 1948 г., было наконец покончено с независимостью «команды Минца». Сектор советской истории решили перевести с ул. Коминтерна в основное здание института по ул. Волхонке³⁶⁴. Бывший архив Комиссии передали в ведение дирекции Института истории³⁶⁵.

В после смерти И.В. Сталина в 1953 г. материалы Комиссии Минца были проверены и «пересистематизированы». В отдельные группы были выделены документы, стенограммы, очерки и рукописи, дневники, разное (письма, песни, стихи, листовки, газеты). Собранные во время войны документы по истории воинских частей были переданы в Центральный архив Министер-

³⁶⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 19.

³⁶¹ Там же. Д. 453. Л. 1.

³⁶² Там же. Л. 43а.

³⁶³ Там же. Д. 423. Л. 11; Там же. Д. 416а. Л. 67.

³⁶⁴ Там же. Д. 423. Л. 11.

³⁶⁵ Там же. Л. 26—27.

ства обороны СССР в Подольске, где они находятся по настоящее время. Еще 2827 дел передали в разные учреждения, а 391 единица хранения была уничтожена по согласованию с Главлитом и ГАУ МВД СССР. Часть материалов попала в спецхран АН. В итоге бывший архив Комиссии Минца, оставшийся в институте, превратился в уменьшившийся в размерах архивный фонд, состоящий примерно из 20 тыс. дел. Собственно говоря, именно после передачи этих материалов из здания секретариата редакции ИГВ в институт в нем и пришлось создавать Отдел рукописных фондов (ОРФ), а первой заведующей ОРФ института стала заведовавшая до этого архивом Комиссии С.В. Небольсина-Мусина. «Здесь собран и продолжает поступать большой и ценный материал по истории Великой Отечественной войны. Он является ценным источником для научной разработки вопросов истории Великой Отечественной войны», — писала она в 1949 г. о значении этого уникального документального комплекса³⁶⁶.

³⁶⁶ Докладная записка зав. ОРФ Института истории С.В. Мусиной. 1949 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Дело фонда. Без пагинации.